

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЪ ВОРОНЕЖѢ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА

2 февраля 1868 г.

Ни одинъ изъ писателей нашихъ не удостоился такой почести, какъ И. А. Крыловъ: онъ еще при жизни своей увѣнчанъ былъ 50-лѣтнимъ юбилеемъ, а теперь чтимъ память его уже столѣтнимъ юбилеемъ, — это честь, которую онъ заслужилъ, какъ народный писатель — баснописецъ, по преимуществу, это благодарная память, которая приносится ему благодарнымъ потомствомъ, какъ народному своему учителю. Вся Русь, отъ царскихъ палатъ до хижины простолюдина, куда только проникла грамотность, знаетъ и никогда не забудетъ Дѣдушку-Крылова. И невозможно было бы не почтить его память за его глубоко-поучительныя басни, которыя онъ намъ оставилъ, какъ кодексъ житейской мудрости и непреложныхъ истинъ; нельзя было забыть Дѣдушку-Крылова, какъ общаго нашего учителя, за его чисто-русскій складъ ума, русское добродушіе, русскую легкую, игривую проию, русское себѣ-на-умѣ, за бойкое, мѣткое словцо, какъ говорится, не въ бровь, а въ самый глазъ; это былъ человекъ, съ головы до ногъ проникнутый русскимъ духомъ, русскими житейскими народными потребностями; онъ горячо сочувствовалъ горю и радости, счастію и несчастію; мастерски умѣлъ подмѣчать пороки и недостатки общества, а потому и посвятилъ себя на то, чтобы преслѣдовать и искоренять эти недостатки общества, какъ нравственное зло.

Что басни Крылова близко прилились по сердцу нашей русской широкой натурѣ, это свидѣтельствуешь то, что они охотно читаются всѣми классами общества безъ исключенія, заучиваются наизусть, а многія изрѣченія ихъ вошли даже въ народныя пословицы и поговорки; наконецъ о народности ихъ свидѣтельствуешь и то, что они расходятся такъ быстро по Русской землѣ и въ такомъ, огромномъ количествѣ.

Извѣстно, что съ 1808 г. въ который вышло первое изданіе басенъ Крылова до самой смерти его (1844 г.), въ продолженіе 36 лѣтъ, вышло и разошлось по Руси басенъ его 77000 экз. Со времени смерти Крылова прошло уже 23 года. Сколько же потомъ еще разошлось? Не знаемъ навѣрное, но можно предполагать, и мы не ошибемся, если скажемъ, что басенъ его разошлось еще столько же экземпляровъ, если не больше, а всего, можетъ быть, болѣе уже двухъ сотъ тысячъ. Такое громадное количество экземпляровъ ясно и громко говоритъ въ пользу очевидной потребности и высокаго значенія ихъ. Замѣчательно, что и критика наша не дерзала произнести о нихъ ни одного невыгоднаго слова, — такъ они прошли безукоризненно, какъ и вышли изъ-подъ пера Крылова. Жаль только одного, что до сихъ поръ они не разобраны критически, не сгруппированы въ одинаковые отдѣлы по содержанію, цѣли и значенію, не сдѣлано изслѣдованія, по какому именно поводу и какія басни написаны, а это имѣло бы для насъ двойную цѣну; впрочемъ въ последнее время кое-что и выяснено въ этомъ отношеніи (напр. какія басни направлены на пользу просвѣщенія, какія противъ невѣжества, критиковъ и легкомысленныхъ писателей, взяточничества, относительно военныхъ событій и проч.), но многое еще остается выяснить. Назадъ тому лѣтъ 5, мы лично слышали отъ г. Пономарева (С. И.), трудолюбиваго нашего бібліографа, представившаго Академіи Наукъ свои розысканія о Ломоносовѣ, Карамзинѣ и митрополитѣ Евгеніи, что онъ нѣсколько времени уже собираетъ свѣдѣнія по этому вопросу и многое успѣлъ

сдѣлать, но что именно приготовлено имъ къ настоящему юбилею, пока сказать не можемъ.

Давно стало извѣстнымъ, что Москва и Петербургъ собираются праздновать столѣтній юбилей Крылова. Воронежъ никогда не отставалъ отъ подобныхъ литературныхъ предпріятій своихъ собратьевъ. За нѣсколько времени сдѣлалось извѣстнымъ, что и у насъ въ здѣшней гимназіи готовится литературное празднество. Наканунъ 2-го февраля напечатана была въ мѣстной газетѣ и программа, что въ 12 часовъ утра юбилей Крылова будетъ праздноваться литературнымъ чтеніемъ въ Военной Гимназіи, а въ 7 часовъ вечера въ Воронежской Губернской Гимназіи, и приглашались на юбилей любители и почитатели таланта нашего баснописца. Такое распредѣленіе въ устройствѣ празднества, было ли оно предусмотрѣнное, или нѣтъ, но дѣйствительно оказалось самымъ удобнымъ, потому что на томъ и другомъ торжествѣ было большое стеченіе публики; самые же акты продолжались въ той и другой гимназіи часа по три; это, конечно, дало публикѣ возможность внимательнѣе выслушать всѣ рѣчи, иначе было бы слишкомъ утомительно для посѣтителей высидѣть 6 часовъ сряду и внимательно слѣдить за чтеніемъ рѣчей.

Обстановка залы Воронежской Военной Гимназіи, гдѣ происходилъ актъ, вполне соответствовала юбилейному празднеству. Передъ портретомъ Государя возвышалась широкая просторная эстрада, покрытая коврами; среди зелени на пьедесталѣ красовался бюстъ Крылова, вокругъ котораго разставлены были группы животныхъ, какъ представители басенъ Крылова.

Вслѣдъ за оркестромъ актъ открытъ былъ рѣчью г. Кильчевскаго о литературныхъ заслугахъ Крылова, какъ драматическаго писателя и журналиста. Затѣмъ г. Спримонъ прочиталъ на Француз. языкѣ двѣ басни Лафонтена (Дубъ и Трость, Волкъ и Ягненокъ) и тѣ же басни Крылова прочитаны г. Ждановичемъ, чтобы сравненіемъ

этимъ показать, что Крыловъ и въ подражаніи остался оригинальнымъ, самобытнымъ поэтомъ. Далѣе г. Бунаковъ читалъ свою статью о педагогическомъ значеніи басенъ Крылова относительно изученія Русскаго языка, подъ заглавіемъ: «Басни, какъ нравственно-педагогическій матеріалъ.» Почтенный авторъ въ рѣчи своей затронулъ весьма интересный вопросъ, что въ выборѣ басенъ, предназначаемыхъ дѣтямъ для чтенія и изученія, надобно обходиться слишкомъ осторожно, что не всѣ басни, по своему иносказательному и отвлеченному характеру и правоученіямъ, пригодны для этого, потому что написаны не для дѣтей. Вслѣдъ за тѣмъ воспитанники гимназій стройнымъ хоромъ пропѣли басню Крылова «Орелъ и Кушка.»

За пѣніемъ была прочтена рѣчь г. Никитинымъ о томъ, какъ въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова выразились нѣкоторыя событія отечественной войны 12-го года. Подобное разъясненіе значенія и смысла басенъ Крылова, какъ мы уже сказали выше, представляетъ неоспоримый интересъ, и мы думаемъ, что нѣкоторые изъ присутствителей, можетъ быть, въ первый разъ слышали примѣнимость такихъ басенъ къ военнымъ событіямъ. Затѣмъ г. Ждановичемъ прочитаны были басни «Василекъ, Вельможи, Прохожіе и собаки,» послѣдняя прочитана сверхъ того на Малороссійскомъ языкѣ, чтобы показать, какъ трудно переводимы басни Крылова на иностранный языкъ, а иныя и вовсе не переводимы, и какъ они легко могутъ быть переданы на Малороссійскомъ языкѣ. Наконецъ юбилейное торжество заключилось хоровымъ стройнымъ пѣніемъ воспитанниковъ басни Крылова «Осель и Соловей» и народнымъ гимномъ «Боже Царя храни.»

Въ 7 часовъ вечера многочисленная публика собралась на другое юбилейное торжество въ Губернскую Гимназію, что ясно доказываетъ просвѣщенное уваженіе публики къ памяти и литературнымъ заслугамъ Крылова.

Здѣсь хотя не было такой обстановки, которая бы напоминала о Крыловскомъ юбилеѣ, за то рѣчи отличались инымъ характеромъ и показали публикѣ Крылова болѣе въ яркомъ свѣтѣ. Всѣхъ рѣчей было 4. Чтеніе ихъ смѣнялось оркестромъ музыки. Предметомъ первой рѣчи, читанной г. Ковалевскимъ, была краткая біографія Крылова, въ которой, правда, высказывалось болѣе или менѣе извѣстное, но новаго, конечно, ничего нельзя было и сказать (хотя и желательно было бы это), потому что и литература наша ко дню этого юбилея ничего не дала новаго. Теперь только стало уже извѣстнымъ, что г-мъ Кеневичемъ открыты нѣкоторые матеріалы, касающіеся біографіи Крылова и его поэтической дѣятельности, и найдено нѣсколько басенъ, не бывшихъ еще нигдѣ въ печати. Но достаточно и того, что, при чтеніи рѣчи г. Ковалевскимъ, у многихъ слушателей, вѣроятно, кое-что и освѣжилось въ памяти, особенно изъ выдержекъ по описанію 50-лѣтняго юбилея. Послѣ рѣчи г. Ковалевского слѣдовала рѣчь г. Рошункина, предметомъ которой взяты литературныя заслуги Крылова, какъ народнаго русскаго баснописца. Затѣмъ читана была рѣчь г. Ингенницкимъ—«Черты поэзіи Крылова.» Въ рѣчахъ этихъ, которыя мы помѣщаемъ ниже, читатели увидятъ, какъ много высказано серьезнаго о высокомъ талантѣ Крылова, — о тѣхъ дорогихъ заслугахъ для языка и литературы, которыя оказалъ Крыловъ баснями своими въ различныхъ слояхъ общества. Въ заключеніе г. Сценура произнесъ краткую рѣчь, въ которой отдалъ послѣднюю благодарную дань Крылову.

Совѣтъ Гимназіи, желая сохранить память о настоящемъ столѣтнемъ торжествѣ въ честь И. А. Крылова, и извлечь какую либо пользу изъ этихъ рѣчей, опредѣлилъ напечатать ихъ отдѣльнымъ сборникомъ съ благотворительною цѣлію, именно—вырученныя отъ продажи деньги раздать бѣднѣйшимъ ученикамъ въ поощреніе успѣховъ въ наукахъ, особенно въ Русскомъ языкѣ и словесности;

съ этою цѣлію и просилъ Редакцію напечатать всѣ эти рѣчи въ Филологическихъ Запискахъ и отпечатать особо нѣсколько экзempl. этого сборника. Сочувствуя доброму намѣренію совѣта Гимназіи, Редакція охотно исполняетъ эту просьбу. (*)

(*) Хотя рѣчи эти переданы намъ для напечатанія, но такъ какъ рѣчь г. Ковалевского почему-то неожиданно появилась напечатанною въ Вор. Губ. Вѣдомостяхъ, то мы и не помѣщаемъ ее здѣсь, а ограничимся, по обѣщанію нашему, помѣщеніемъ оной въ отдѣльныхъ оттискахъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ,

КАКЪ РУССКІЙ НАРОДНЫЙ БАСНОПИСЕЦЪ.

(Рѣчь г. Рощупкина.)

Мм. Гг.!

Вамъ уже извѣстны подробности касательно главнѣйшихъ происшествій въ спокойной и вмѣстѣ многообъемлющей жизни И. А. Крылова. Полагаю, нѣтъ ни одного изъ присутствующихъ здѣсь, кто бы не наслаждался прелестью творческихъ созданій, отражающихъ разнообразный и, смѣю сказать, причудливый геній И. А. Крылова, то проникающій въ глубину сердца, то очаровывающій своенравною игрою воображенія, то убѣдительный философической прозорливостію. Въ настоящей бесѣдѣ съ вами, Мм. Гг., позволяю себѣ занять вниманіе ваше мыслями объ И. А. Крыловѣ, какъ русскомъ народномъ баснописцѣ и подѣлиться тѣми соображеніями, на которыхъ часто останавливался я, всматриваясь въ его величавую личность съ оригинальными чертами чисто русскаго характера.

Есть два рода литературныхъ произведеній: одни бываютъ доступны только нѣкоторымъ, избраннымъ

людямъ, въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени образованности; другія, наоборотъ, бываютъ доступны всѣмъ людямъ, во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ состояніяхъ ихъ жизни; къ послѣднему роду литературныхъ произведеній относятся и басни. Басни И. А. Крылова доступны всѣмъ намъ Русскимъ, во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни: ихъ лепечуть наши дѣти, не понимая еще внутренняго ихъ содержанія, увлекаясь простотою и ясностію веселаго разсказа, инстинктивно чувствуя прелесть выраженій, выраженій чисто-русскихъ, которыя такъ легко даются ихъ дѣтской памяти; ихъ повторяемъ мы, взрослые, глубже анализируя содержаніе и извлекая для себя уроки мудрости; ихъ произносятъ полуграмотные простолюдины, находя доступными своему здравому смыслу истины, сокрытыя въ нихъ; наконецъ, ихъ изучаютъ литераторы, какъ образцы высокаго искусства, какъ образцы, въ которыхъ такъ рельефно выразились черты русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни. Такое значеніе басенъ И. А. Крылова въ средѣ нашей объясняется не тѣмъ, что онѣ вообще хороши, какъ басни, но тѣмъ, что въ нихъ выразилась вполнѣ наша народность. И. А. Крыловъ въ басняхъ своихъ явился народнымъ поэтомъ, и мы съ гордостію можемъ сказать, что имя, характеръ и талантъ его всецѣло принадлежатъ нашей народности. Мы, Русскіе, немного насчитываемъ у себя народныхъ поэтовъ; они являются у насъ особняками, рѣдкими, исключительными явленіями. Причины тому, почему знать, быть можетъ, кроются и въ нашемъ недостаточномъ уваженіи къ своимъ народнымъ произведеніямъ, и въ нашемъ воспитаніи. Недостаточность уваженія къ произведеніямъ роднаго слова такъ прекрасно высказалъ Пушкинъ въ этихъ стихахъ:

«Сокровища роднаго слова,
Замѣтять важные умы,
Для лепетанія чужаго

Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремущки,
А не читаемъ книгъ своихъ».

Воспитаніе наше, основанное на началахъ, выработанныхъ иностранцами, представляло и представляетъ неудобную мѣрку, — мѣрку, подъ которую не всегда укладывается нашъ русскій духовный организмъ безъ поломки. Мы не можемъ назвать наше воспитаніе — воспитаніемъ, созданнымъ нашими трудами, нашими наблюденіями, возросшимъ на родной почвѣ. Воспитаніе наше не имѣло и не имѣетъ въ виду коренныхъ оригинальныхъ чертъ русскаго характера. И. А. Крыловъ прежде всего русскій характеръ и потомъ уже народный поэтъ. Въ характерѣ его нельзя не замѣтить оригинальныхъ чертъ, свойственныхъ вообще русскому характеру. Что же это за черты? Эти черты — неподдатливость системъ въ дѣлѣ воспитанія, медленность развитія въ юношескомъ періодѣ жизни, быстрый успѣхъ потомъ въ этомъ развитіи, сильная энергія дѣятельности въ періодъ возмужалости, и наконецъ, неподвижность, или, такъ сказать, оледенѣлость въ кругу этой дѣятельности, происходящая не отъ истощенія духовныхъ силъ, а скорѣе отъ избытка ихъ. Эти черты русскаго характера не забыты и нашею народною поэзіею; она этими чертами надѣлила богатырей своихъ былинь; возьмите, напримѣръ, старшихъ богатырей былинь — Святотора и Илью Муромца, — какъ они изображены народною творческою фантазіею? Одинъ изъ нихъ «въ сидняхъ сидитъ тридцать три года»; потомъ, чудеснымъ образомъ надѣляется силою богатырскою; другой — совершаетъ неимовѣрные богатырскіе подвиги, и подъ конецъ жизни дѣлается неподвижнымъ отъ избытка силъ, которыми бременить землю. Въ воспитаніи и постепенномъ развитіи характера всѣхъ нашихъ народныхъ геніевъ болѣе или менѣе замѣтите эти оригинальныя черты. Примѣняя все сказан-

ное къ личности И. А. Крылова, нельзя не замѣтить тѣхъ же чертъ и въ его характерѣ. Съ цѣлю подтвердить это, прослѣдимъ жизнь его въ главныхъ фазахъ. И. А. Крыловъ получилъ образованіе далеко не систематическое: онъ учился чему-нибудь и какъ-нибудь; въ дѣтствѣ учился тому, къ чему влекла его охота; въ юношескомъ возрастѣ начинается быстрое развитіе его душевныхъ способностей—онъ начинаетъ сознавать важность и пользу изученія языковъ: выучивается сперва Французскому языку и со всѣмъ усердіемъ предается чтенію французскихъ классиковъ; затѣмъ, выучивается рисованію и музыкѣ, при помощи счастливыхъ способностей, и наконецъ, въ послѣдствіи, изучаетъ Итальянскій языкъ и даже Греческій до свободнаго пониманія сочиненій на этихъ языкахъ. Съ такимъ-то образованіемъ, обязанный болѣе самому себѣ, вступаетъ И. А. Крыловъ въ жизнь, гдѣ начинается полная энергія его разнообразной дѣятельности. Мѣняетъ постоянно мѣста службы, чувствуя неспособность къ занятіямъ такого рода; онъ начинаетъ чувствовать призваніе къ чему-то иному; въ немъ разгорается желаніе добиться извѣстности, и вотъ онъ съ любовію предается литературнымъ занятіямъ,—пытается свой талантъ въ драматическомъ искусствѣ—пишетъ трагедіи; но это ему не удается. Ему начинаетъ казаться, что періодическими изданіями можно пріобрѣсти извѣстность, и вотъ онъ со всею энергіею предается занятіямъ этого рода: работаетъ для своихъ журналовъ, хлопочетъ по содержанію типографіи и ревностно обогащаетъ театр новыми піесами; но и это ему не удается, и вотъ онъ покидаетъ навсегда изданіе журналовъ и снова обращается къ театру; начинаетъ писать комедіи въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою, и въ то же время пишетъ мелкія стихотворенія, подражая Державину. Испытавъ и здѣсь неудачу, И. А. Крыловъ оставляетъ на шесть лѣтъ литературу для развлеченій столицы: прекрасно играя на скрипкѣ, уча-

ствуешь онъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ; живописцы ищутъ его общества, какъ челоѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ 1806 году, проѣзжая чрезъ Москву въ Петербургъ, И. А. Крыловъ останавливается въ Москвѣ, гдѣ Русская словесность тогда процвѣтала; не только Карамзинъ и Дмитріевъ увлекали молодое поколѣніе, но и Жуковского имя пріобрѣло извѣстность; И. А. Крыловъ вступаетъ въ этотъ кружокъ и здѣсь особенно сближается съ Дмитріевымъ, по совѣту котораго начинаетъ переводить басни Лафонтена, и, послѣ одобрительнаго отзыва того же Дмитріева, серьезнѣй начинаетъ относиться къ этому роду литературной дѣятельности. Такимъ образомъ уже 38 лѣтъ И. А. Крыловъ выходитъ на ту дорогу, которая должна была привести его къ безсмертію. Хотя, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ снова предается страсти къ театру и пишетъ комедіи, однако сознаетъ уже свое призваніе и устремляетъ всю поэтическую дѣятельность на одинъ видъ поэзіи—басню. И здѣсь въ особенности представляется намъ возможнымъ сравненіе его съ Ильею Муромцемъ, старшимъ богатыремъ нашихъ былинъ: тотъ 30 лѣтъ сидитъ сиднемъ, не сознавая, что онъ русскій богатырь; а этотъ почти 40 лѣтъ не сознаетъ, что онъ русскій народный баснописецъ. Сознавъ случайно такимъ образомъ свое назначеніе, И. А. Крыловъ предается вполне этой дѣятельности, а подъ конецъ жизни приходитъ въ состояніе неподвижности, такъ сказать, оледенѣнія въ кругу этой дѣятельности, и опять не отъ истощенія душевныхъ силъ, а скорѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ. Всматриваясь въ это начальное безсистематическое образованіе И. А. Крылова, въ его энергически-подвижную натуру въ началѣ литературной дѣятельности и въ неподвижность въ концѣ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что это чисто-русскій характеръ со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными; и,

почемъ знать, быть можетъ, эта немногосложность образованія въ началѣ дала возможность развиваться его душевнымъ способностямъ въ той гармоніи, какая необходима для характера чисто-русскаго, чтобы сдѣлаться народнымъ поэтомъ; онъ избѣжалъ ранняго ученія, которое губить юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ нельзя ли объяснить и того, что въ его самобытно-русской душѣ возникла въ истинномъ видѣ русская народная басня, тотъ видъ поэзіи, въ которомъ явился онъ совершеннѣйшимъ образцомъ? И. А. Крыловъ великій народный поэтъ. Два обстоятельства творятъ великихъ народныхъ поэтовъ: натура и исторія. Начала народности поэта заключаются въ его натурѣ, въ духѣ, жизни и развитіи, а обусловливаются исторіею народа, среди котораго рождается поэтъ и историческимъ моментомъ, въ которомъ застаетъ поэтъ современное ему общество. Бѣлинскій говоритъ: «природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; китайцы будутъ имъ восхищаться, но европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ, и ничтожнымъ. Но если бъ этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологии духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ». Примѣняя все сказанное къ личности И. А. Крылова, нельзя

не замѣтить, что начала народности заключались въ его натурѣ, что народъ, среди котораго явился онъ, имѣлъ уже исторію, достойную вниманія всѣхъ европейскихъ народовъ, какъ исторію народа, заключающаго въ себѣ богатые задатки для развитія въ будущемъ, и наконецъ, засталъ онъ современное ему общество въ тотъ моментъ его историческаго развитія, когда въ литературѣ его, начавшейся, подобно его цивилизаціи, подражаніемъ и слѣпымъ усвоеніемъ формъ зачиналось стремленіе къ самобытности и національности, и когда каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская народная поэзія сперва проблеснула въ басняхъ И. А. Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, несмотря на то, Русскій языкъ, русская природа и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. И. А. Крыловъ, какъ истинный художникъ, народенъ и націоналенъ безъ усилія; онъ чувствовалъ національность прежде всего въ самомъ себѣ и потому невольно наложилъ печать ея на свои произведенія. «Конечно, чтобы быть національнымъ поэтомъ», говоритъ Бѣлинскій, «нужно сперва быть великимъ человекомъ, представителемъ своей націи; но изъ этого-то и слѣдуетъ, что великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не національность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ: послѣднее есть только необходимое слѣдствіе перваго». Значеніе поэта и вообще писателя въ наше время обусловливается тѣмъ, на сколько въ произведеніяхъ его отразилась дѣйствительность или народность, какъ выраженіе національной дѣйствительности; дѣйствительность и народность—вотъ лозунги и послѣднія слова современнаго намъ міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувствъ, заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Созданія И. А. Крылова не его выдумка: они художественныя созданія съ того оригинала,

который созданъ умопредставленіемъ народа, и поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И потому всякое лицо, всякій олицетворенный предметъ въ его басняхъ говорить и дѣйствуетъ въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подѣ влияніемъ котораго онъ находится. Что же нужно разумѣть подѣ народностію въ поэзіи? Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики народности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ: «истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами». Въ чемъ же заключена эта магическая сила народности, которая всѣхъ насъ влечетъ къ баснямъ И. А. Крылова? Эта народность заключается не въ одномъ умѣннѣи выражаться простымъ Русскимъ языкомъ, но въ искусствѣ воспроизводить образы, взятые изъ народной жизни, и вѣрно изображать картины русской жизни. Такимъ образомъ, чтобы рѣшить вопросъ: на сколько И. А. Крыловъ имѣетъ право назваться русскимъ народнымъ баснописцемъ, нужно показать, на сколько отразились въ басняхъ его русскій умъ, русскій характеръ, Русскій языкъ, русская природа и русская душа.

Русскій умъ олицетворился въ И. А. Крыловѣ и выразился въ его басняхъ. Что же это за умъ? Умъ практическій, наблюдательный, обращенный къ опыту и явленіямъ жизни, умъ выводовъ, тотъ задній умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ, родственныи уму нашихъ пословицъ. Въ басняхъ И. А. Крылова этотъ умъ высказался въ умѣннѣи мысль, малодоступную народу, объяснить вдругъ, удачно примкнувши къ ней пословицу, или мѣткое выраженіе, имѣющее значеніе той же пословицы. Такъ, въ

баснѣ—«Волкъ и Котъ», нарисовавъ картину, какъ трудно бываетъ человѣку въ бѣдѣ, когда онъ, надѣлавъ всѣмъ зла, не имѣетъ ни въ комъ готовности помочь ему въ бѣдѣ, или спасти отъ несчастія, заключаетъ басню пословицею:

...«Самъ себя вини:

Что ты посѣялъ—то и жни».

Или, въ баснѣ—«Левъ и Мышь» высказавъ мысль, что не слѣдуетъ отказывать въ посильной помощи и тѣмъ, отъ которыхъ, по-видимому, нельзя ожидать въ будущемъ никакой для себя пользы, заключаетъ ее пословицею:

«Не попусту въ народѣ говорится:

Не плюй въ колодезь, пригодится

Воды напиться».

Или, басню--«Мышь и Крыса» заключаетъ такъ:

«Я сколько разъ видалъ, примѣйте это

сами:

Когда боится трусь кого,

То думаетъ, что на того

Весь свѣтъ глядитъ его глазами».

Смыслъ этого заключенія не близокъ-ли смыслу нашей пословицы: «У страха глаза велики»?

Или, въ баснѣ—«Квартетъ», въ дѣйствующихъ лицахъ которой, попрекнувши высшихъ сановниковъ за споры, кому въ общемъ засѣданіи первенствовать, заключаетъ ее мѣткими словами, напоминающими народный складъ ума:

«А вы, друзья, какъ не садитесь,

Все въ музыканты не годитесь».

И въ каждой почти баснѣ можно находить примѣры для подтвержденія вышесказанной мысли.

Въ каждой баснѣ И. А. Крыловъ съ начала до конца выдерживаетъ характеръ оригинальнаго русскаго поэта. Въ басняхъ его все оригинально—и тонъ разсказа, и ходъ событія, и отдѣлка стиха. Припомните себѣ басню—«Демьянова Уха»: въ тонѣ разсказа этой басни не слышится-ли вамъ разговоръ двухъ

русскихъ мужичковъ, изъ которыхъ одинъ, какъ истый хлѣбосоль, угощаетъ другаго, пріятеля своего, ухю, не щадя похвалъ съ цѣлію заставить друга съѣсть побольше? И нельзя притомъ не замѣтить естественности самаго разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Ходъ самаго событія не вѣренъ-ли дѣйствительности? Не ясно-ли представляется вамъ образъ русскаго мужичка, который сперва постепенно удовлетворяетъ своему аппетиту по мѣрѣ просьбъ хозяина, потомъ, досыта наѣвшись, снимаетъ кушакъ, полагая, что при такихъ обстоятельствахъ можно еще съѣсть ухи, и наконецъ, поставленный въ совершенную невозможность—удовлетворить просьбѣ хозяина—«съѣсть ухи еще тарелочку», бѣжитъ домой, «схватя въ охапку кушакъ и шапку». Прослѣдите теперь за отдѣлкою стиховъ;—вездѣ стихъ его громокъ, звученъ, ярокъ и послушенъ мысли автора: гдѣ нужно выразить просьбу, тамъ стихъ увѣсистъ; гдѣ повѣствуетъ авторъ отъ своего лица, тамъ стихъ длиненъ, тягучъ; гдѣ нужно выразить быстроту дѣйствія, тамъ стихъ быстръ, летучъ, какъ муха. Слѣдующіе стихи:

«Сосѣдушка мой свѣтъ!

Пожалуй-ста покушай»!

—«Сосѣдушка! Я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ,

Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена»!

Не послушны-ли мысли автора: не выражаютъ-ли такъ естественно покорнѣйшей просьбы хлѣбосола-мужичка, направленной къ пріятелю-сосѣду?

И далѣе, сколько медленности въ слѣдующихъ стихахъ, когда авторъ начинаетъ повѣствовать отъ себя:

«Такъ потчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,

И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;

А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ».

И наконецъ, сколько легкости въ этихъ стихахъ, выражающихъ быстроту дѣйствія:

Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схвати въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой».

Эта оригинальность сообщена и переводнымъ баснямъ И. А. Крылова, въ которыхъ нельзя встрѣтить ни перевода, ни подражанія: онѣ, видимо, восприняты душою поэта, и, перерожденные въ ней, явились на свѣтъ чисто-русскими оригинальными. Не потому ли переводы и подражанія И. А. Крылова выходили несравненно выше подлинника?

Въ басняхъ И. А. Крылова Русскій народный языкъ получилъ изящныя формы, слившися съ общою нашею поэтической рѣчью; въ языкѣ его басень гармонически и художнически слились всѣ стихіи разнообразной отечественной рѣчи. Чѣмъ же объяснить это? Тѣмъ, что И. А. Крыловъ въ совершенствѣ овладѣлъ народнымъ языкомъ, воспринявъ въ душу свою и сердце ясный образъ самаго народа, что болѣе всего необходимо для того, чтобы отразить въ твореніяхъ своихъ всѣ отличія, всѣ красоты спеціальной народной жизни и поэзіи. Въ языкѣ каждаго народа отражается его умопредставленіе, дѣятельность его воображенія, чувства, страсти, словомъ сказать, языкъ является полнымъ выраженіемъ народной жизни. Въ басняхъ И. А. Крылова встрѣчаемъ мы тотъ Русскій языкъ, который, заключивъ въ себѣ все богатство народного умопредставленія, составляетъ нашу собственность. Создать такой языкъ могъ И. А. Крыловъ, изучивъ напередъ жизнь народа и его быть. И въ самомъ дѣлѣ, изучалъ онъ этотъ быть, но не въ описаніяхъ, не на быстромъ скаку лихой тройки; онъ изучалъ его среди младенческихъ игръ и первыхъ впечатлѣній юности, въ живомъ соприкосновеніи съ его радостями и страданіями, у самаго сердца народа, котораго слабости и недостатки носилъ въ соб-

ственномъ сердцѣ. Отсюда понятно, почему языкъ басенъ И. А. Крылова богатъ народными выраженіями и представляетъ самые живые образы истинно-русской рѣчи. Въ языкѣ его басенъ заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка. Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ. Въ языкѣ его басенъ находимъ сжатость и бойкость слога, что совершенно согласно съ духомъ народной рѣчи: описываетъ-ли онъ предметъ, на описаніе это не тратитъ лишнихъ словъ;—рисуетъ-ли картину, она выходитъ яркою вслѣдствіе обозначенія ея немногими, но характерными чертами;—высказываетъ-ли мысль, заключаетъ ее въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Вспомните описаніе его—пѣнія соловья:

«Защелкалъ, засвисталъ

На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ,

То томной вдалекѣ свирѣлью отдавался».

Или другое описаніе—поѣздъ съ горшками:

«По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки,

Скачки,

Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!

Прощай, хозяйскіе горшки!»

Идіотизмы, т. е. обороты, исключительно свойственные Русскому языку, встрѣчаются въ басняхъ И. А. Крылова почти въ каждомъ стихѣ. Указать эти идіотизмы и объяснить, на сколько свойственны они народной рѣчи—можетъ послужить темою для отдѣльнаго спеціальнаго сочиненія. Я позволяю себѣ только замѣтить здѣсь, что разнообразіе языка И. А. Крылова возникло изъ живаго пониманія русской народной рѣчи, и потому языкъ этотъ есть наша собственность; этимъ объясняется и то, что басни И. А. Крылова представляютъ трудности, почти невозможность, для переводчиковъ при передачѣ ихъ на другой языкъ. Вспомните то время, когда жилъ въ Па-

рижѣ соотечественникъ нашъ графъ Орловъ, въ домѣ котораго собирались всѣ знаменитые тогдашніе ученые и литераторы, въ средѣ которыхъ возникла мысль о лучшемъ переводѣ басенъ И. А. Крылова на Французскій языкъ; всѣ изъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ, и 57 талантовъ соединилось, чтобы одолѣть одинъ, и чѣмъ же дѣло кончилось? Всѣхъ басенъ переведено было 89-ть; но басни эти вышли не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ И. А. Крыловъ приготовилъ темы. Такъ, напримѣръ, герцога Бассано, въ баснѣ—«Червонецъ», вмѣсто 38 стиховъ И. А. Крылова, помѣстилъ въ 69 стихахъ рассказъ о крестьянинѣ и какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ—«Троеженецъ», болѣе 20-ти стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха подлинника. По общему признанію, переводъ Альфреда Бужо болѣе удаченъ, но и этотъ переводъ далеко не вноситъ русской природы во французскую рѣчь. Такого рода факты вполне подтверждаютъ ту мысль, что басни И. А. Крылова, заключивъ въ себѣ поэтическое воспроизведеніе умопредставленія народа, составляютъ нашу собственность, и потому, чтобы чувствовать ихъ красоты и наслаждаться ими, нужно или родиться русскимъ, или сдѣлаться имъ, напередъ полюбивъ все русское.

Въ басняхъ И. А. Крылова живетъ русская природа: люди, звѣри и предметы неодушевленные взяты имъ изъ русской природы и имъ сообщена та жизнь, которою они живутъ въ умопредставленіи народа, и даже предметамъ, взятымъ не изъ русской природы, въ переводныхъ басняхъ, сообщена та же жизнь. Чтобы рѣшить вопросъ — на сколько въ этомъ отношеніи И. А. Крыловъ можетъ назваться народнымъ поэтомъ, — нужно показать, на сколько изображенія звѣрей въ басняхъ его согласны съ таковыми же изображеніями у народа. Конечно, еще не наступило то время, когда возможно было бы вполне непогрѣшительно опредѣ-

И говоритъ такъ сладко, чуть дыша...

Лукавою является она въ баснѣ—«Волкъ и Лисица», когда потчуетъ волка:

«Бѣдняжка—гуманекъ!

Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:

Я куму услужить готова».

Типъ лицемѣра является она собою въ баснѣ—«Добрая Лисица», когда, сидя на камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ, уговариваетъ птицъ помочь бѣднымъ дѣткамъ малиновки.

Волкъ въ народныхъ сказкахъ является звѣремъ простодушнымъ, ненаходчивымъ, способнымъ поддаться обману, особенно когда встрѣчается съ лисичкою-сестричкою, животнымъ глупымъ, жаднымъ, рассчитывающимъ только взять зубами и изрѣдка трусливымъ. Въ басняхъ И. А. Крылова представленъ онъ такимъ же глупымъ, хитрымъ звѣремъ, съ характеромъ грабителя и сильнаго звѣря; въ немъ олицетворены—насиліе, жадность и безнаказанность властнаго плута, который всегда найдетъ поводъ придушить того, кто послабѣе, а при случаѣ умѣетъ и лицемѣрить. Такъ, въ баснѣ—«Волкъ на Псарнѣ»—волкъ, пойманный на псарномъ дворѣ...., «сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ, зубами щелкая и ошестиня шерсть», и такую держитъ рѣчь къ толпѣ, вышедшей противъ него съ кольями:

...«Друзья! Къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, усталимъ общій ладъ»!

Или, въ баснѣ—«Волкъ и Ягненокъ», съ какою нахальностію сильнаго обращается онъ къ ягненку, пришедшему къ ручью напиться, желая дать законный видъ безчестному дѣлу:

«Какъ смѣешь ты, нечистымъ
рыломъ

Здѣсь чистое мутить питье

Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?

За дерзость такову

Я голову съ тебя сорву».

Медвѣдь весьма типично изображенъ въ произведеніяхъ народной поэзіи; онъ является сильнымъ звѣремъ, неповоротливымъ, за что и называется ко-солапымъ; идетъ-ли онъ по лѣсу, только лѣсъ трещить, переваливаетъ пропасть деревьевъ; онъ любитель меда; онъ тяжелъ на подъемъ, тяжелъ и на соображеніе. Такимъ изображенъ онъ и у И. А. Крылова. Напр. въ баснѣ — «Трудолюбивый Медвѣдь» — онъ гнетъ дуги такъ, что

«Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,

И слышно за версту проказу.

Орѣшника, березника и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,

А не дается ремесло».

Хотя въ этой баснѣ изображенъ медвѣдь не столько неуклюжимъ и неловкимъ, сколько нетерпѣливымъ, за то въ баснѣ — «Пустынникъ и Медвѣдь», онъ вполне изображенъ неповоротливымъ и тяжелымъ на соображеніе; это особенно видно изъ того мѣста басни, гдѣ онъ и не безъ дѣла:

«У друга на носъ муха сѣла:

Онъ друга обмахнулъ;

Взглянулъ,

А муха на щекъ; согналъ, а муха снова

У друга на носу,

И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,

Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,

Присѣлъ на корточки, не переводить духу,

Самъ думаетъ: «молчи жь, ужъ я тебя,

воструху»!

И, у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть — хватъ друга камнемъ въ лобъ»!

Другіе звѣри—зайчикъ, собаки, мыши, овцы, быки и проч. являются звѣрями болѣе мирнаго свойства. Зайчикъ является у народа быстрымъ, малосильнымъ, робкимъ, всегда бываетъ на посылкахъ у другихъ звѣрей; иногда только быстрыя ноги его спасаютъ. Не такимъ-ли изображень онъ у И. А. Крылова въ баснѣ—«Заяцъ на ловлѣ», когда звѣри изловили медвѣдя, задавили на чистомъ полѣ и стали дѣлить добычу,

«А Заяцъ за ушко медвѣдя тутъ же тянетъ.

«Ба, ты, косой»,

Кричатъ ему: «пожаловаль отколѣ?

Тебя никто на ловлѣ не видалъ».

«Вотъ, братцы!» Заяцъ отвѣчалъ:

«Да изъ лѣсу-то кто-жъ,—все я его пугалъ,

И къ вамъ поставилъ прямо въ поле

Сердечнаго дружка?»

Собака является у народа домашнимъ звѣремъ, участницею въ семейныхъ дѣлахъ человѣка, постояннымъ врагомъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Такою изображена она и у И. А. Крылова. Вспомните, на примѣръ, басню—«Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколы»—когда всѣ они вмѣстѣ поглялись въ неизмѣнной дружбѣ и отправились на охоту; утомленные, отбившись далеко отъ дому, пристали отдохнуть у ручья и задремали...

«Какъ вдругъ изъ лѣсу—шашь

На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть».

Всѣ звѣри разбѣжались, а человѣкъ простился бы съ жизнію, если бы не спасъ его вѣрный песъ: вцѣпившись зубами въ медвѣдя, не разжималъ ихъ, покуда медвѣдь не потерялъ всѣхъ силъ. Въ басняхъ—«Собачья Дружба» и «Двѣ Собаки»—характеръ собачій еще вѣрнѣе сохраненъ.

Овцы, быки, корова въ басняхъ И. А. Крылова представляются, какъ легкая добыча хищныхъ звѣ-

рей. Изъ птицъ весьма типично изображены у И. А. Крылова: пѣтухъ, куры, журавль, ворона, кукушка, горlinka и др. и опять-таки согласно съ умопредставленіемъ народа.

Другіе звѣри, взятые не изъ русской природы—осель, левъ, слонъ, обезьяны и др., обрисованы типично и согласно сатирическимъ цѣлямъ автора. Съ особенною же любовью останавливается И. А. Крыловъ на изображеніи осла, какъ животного, олицетворяющаго собою глупость, невѣжество, педанство; при этомъ нужно сказать, что осель въ умопредставленіи народа не всегда является символомъ глупости. «Осель въ басняхъ И. А. Крылова до того опредѣлился въ характерѣ своемъ», говоритъ Гоголь, «что стоитъ ему только высунуть уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: это осель Крылова. Осель, не смотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ». Вспомните басню—«Осель», гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, возгорѣлся вдругъ чинолюбіемъ, захотѣлъ ордена, и страшно заважничалъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему звонокъ, неразмысли того, что теперь всякая кража и гадость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока». Въ баснѣ—«Осель и Соловей»—Осель изображенъ типично безсмысленнымъ судьей таланта, особенно въ томъ мѣстѣ басни, когда, выслушавъ прекрасную пѣснь соловья, говоритъ ему, «уставясь въ землю лбомъ»:

«Изрядно», говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился».

Этихъ примѣровъ сближенія, мнѣ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что изображе-

ніямъ въ басняхъ И. А. Крылова сообщена та жизнь, которою они живутъ въ умопредставленіи народа. Здѣсь не могу не привести того мѣста изъ стихотворенія Кн. Вяземскаго, въ которомъ поэтически очерчена эта характерность изображеній:

«Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ звѣри дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ».

Наконецъ, мало всего этого: въ басняхъ И. А. Крылова мы можемъ найти и доказательства тому, на сколько благородна была душа его, какъ русскаго человѣка. Доказательства эти найдемъ въ тѣхъ мѣстахъ его басенъ, гдѣ выражаетъ онъ — или свою признательность и благодарность лицамъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его, или, гдѣ является онъ заступникомъ за все прекрасное въ жизни, почему бы то ни было подвергавшееся преслѣдованію, или, гдѣ слышится его голосъ разумной середины, или, наконецъ, гдѣ выражаетъ онъ чувство любви къ отечеству и сатирическое раздраженіе къ тѣмъ, которые не дорожатъ отечествомъ, не будучи въ силахъ быть ему полезными. Такъ, въ баснѣ — «Василекъ», аллегорически высказавъ чувство признательности къ вѣнценосной своей благотворительницѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, заключаетъ басню такъ:

«О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно

Былиннѣ-ль, кедру-ли — благотворитъ равно,

И радость по себѣ и счастье оставляетъ;

За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,

И все его благословляетъ».

Или, въ баснѣ—«Чижъ и Ежъ» И. А. Крыловъ выразилъ благодарность Императору Александру 1-му; въ аллегоріи этой, сравнивъ себя съ чижомъ, замолкнувшимъ, когда, при появленіи Феба, запѣли соловьи, заключаетъ басню такъ:

«Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бѣ Александра пѣлъ».

А Или, въ баснѣ—«Пчела и Мухи», рассказавъ намъ аллегорію, какъ мухи собрались летѣть въ чужіе края, обидившись за то, что ихъ на родинѣ гоняютъ изъ гостей и не даютъ сластями поживиться, придумавъ стеклянные колпаки, и какъ стали подзывать летѣть съ собою пчелу, на что пчела имъ отвѣчала, что ей пріятно жить на родинѣ, гдѣ она сумѣла съискать себѣ отъ всѣхъ любовь за соты, заключаетъ басню такъ:

«Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится,
А кто полезнымъ быть способности лишень,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
— Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна». —

И много другихъ примѣровъ можно найти въ басняхъ И. А. Крылова для подтвержденія вышесказанной мысли.

И такъ, вотъ въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается народность басенъ И. А. Крылова: онъ явился въ басняхъ народнымъ въ высшей степени не потому, что старался быть народнымъ, а потому, что не могъ не быть народнымъ; былъ народенъ, смѣю сказать, безсознательно, и едва ли зналъ цѣну этой народности, которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилія. По крайней мѣрѣ, говорить

Бѣлинскій, «его современники мало умѣли цѣнить въ немъ это достоинство: они часто упрекали его за «низкую природу» и ставили на одну съ нимъ доску прочихъ баснописцевъ, которые были несравненно ниже его». Распространить же народность на всю словесность не позволила ограниченность такого рода поэзіи, какъ басня: это въ послѣдствіи совершилъ А. С. Пушкинъ. Итакъ, за И. А. Крыловымъ остается слава русскаго народнаго поэта. Слава же народныхъ поэтовъ не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ обстоятельствъ; противъ нея безсильны предубѣжденія, зависить и злоба; время не разрушаетъ этой славы, оно скорѣе содѣйствуетъ прочному ея возстановленію. Слава такихъ поэтовъ, имена которыхъ гремѣли въ свое время, какъ напр. Кантемира, Ломоносова, Сумарокова и др.. въ настоящее время далеко уменьшилась, и, можетъ быть, для будущаго вѣка совсѣмъ померкнетъ, а слава народныхъ поэтовъ — слава вѣчная: ее не можетъ уменьшить время, не только помрачить; отсюда понятно, почему каждый народъ именами своихъ народныхъ поэтовъ дорожитъ и гордится. Но появленіе большаго числа народныхъ поэтовъ у насъ не мыслимо безъ внесенія въ дѣло нашего образованія, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, изученія народныхъ произведеній; по нимъ должно учиться наше юношество родному слову; учась такимъ образомъ, оно узнаетъ жизнь нашихъ предковъ, увидитъ многосложную картину минувшихъ вѣковъ, познаетъ духъ ихъ, быть и всѣ его, неуловимыя простымъ глазомъ, мельчайшія подробности, услышитъ исповѣдь души своихъ предковъ, разоблаченной до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, дѣйствій, страданій, надеждъ, веселія и грусти, и научится любить все свое родное.

Позволяю себѣ закончить мою бесѣду съ вами, Мм. Гг., словами Жуковскаго: «Будемъ благодарны

И. А. Крылову, во-первыхъ за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ его гениемъ; будемъ благодарны за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній, которые съ его именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; будемъ благодарны за Русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ онъ такъ вѣрно высказалъ его умъ, и съ такою прелестію далъ столько глубокихъ наставленій; наконецъ, будемъ благодарны ему и за знаменитость имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы».

Николай Рощупкинъ.

1868 г. 2 февраля.

Г. Воронежъ.

ЧЕРТЫ ПОЭЗИИ КРЫЛОВА.

(Рѣчь г. Ингеницкаго.)

И. А. Крыловъ, по началу своей литературной дѣятельности, принадлежит XVIII столѣтію, а, по зрѣлому и славному ея періоду, писатель настоящаго столѣтія. Онъ современникъ и отчасти дѣятель самаго знаменитаго времени въ нашей литературѣ, времени первоклассныхъ писателей нашихъ. Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—достаточно назвать эти имена, такъ какъ они сами вызываютъ въ памяти каждаго многія другія, чтобы видѣть, съ кѣмъ пришлось Крылову мѣряться силой и славой,—какъ великъ Крыловъ, когда звѣзда его не померкла при такихъ свѣтилахъ. И между тѣмъ, какъ каждаго изъ названныхъ писателей опредѣленно выяснены какъ первоначальное, такъ и послѣдующее направленіе и преемственное значеніе въ литературѣ,—произведенія Крылова гораздо болѣе восприняты и усвоены, чѣмъ поняты; его направленіе и значеніе не поддаются опредѣленію. Ничего въ родѣ сентиментальности, романтизма, байронизма не найдете въ нихъ: Крыловъ стоитъ одиноко въ исторіи нашей литературы, принадлежа сколько Карамзинскому, столько же и Пушкинскому періоду, а всецѣло ни тому, ни другому; и самъ онъ не открылъ особаго періода въ нашей литературѣ. Поэзія Крылова особая струя въ общемъ теченіи нашей литературы, не отдѣльная, но и не сливающаяся съ нимъ, его личное дѣло. Указать предшественниковъ, подготовившихъ и вызвавшихъ Крылова, такъ же трудно, какъ невозможно назвать его преемниковъ. Его поэзія есть эпизодъ въ нашей литературѣ, по такой, который оказался роднымъ всѣмъ слоямъ, всѣмъ возрастамъ нѣсколь-

кихъ поколѣній, безъ сомнѣнія, потому, что заключаетъ въ себѣ черты того великаго созданія, о которомъ мечталъ Гоголь, и которое до сихъ поръ не подѣ силу ни одному нашему генію. По своему эпизодическому характеру, поэзія Крылова сблизилась съ безыскусственною народною поэзіею, которая вся состоитъ изъ эпизодовъ, и, подобно этой послѣдней, представляетъ въ себѣ черты всей русской поэзіи *).

Первая, самая общая черта поэзіи Крылова—*общенародность*. Онъ поэтъ, противъ котораго не были ни одна критика, ни одна школа: стоитъ вспомнить восторженный отзывъ о немъ Бѣлинскаго и то уваженіе, съ которымъ относится къ нему позднѣйшій передовой писатель Писаревъ, пользуясь баснями Крылова, какъ образцами выраженія самыхъ здравыхъ и основательныхъ идей, — Писаревъ, ставшій въ противорѣчіе съ Бѣлинскимъ. А какъ расходились наши критики въ сужденіи о Пушкинѣ, Карамзинѣ, Гоголѣ, тогда какъ Крылову всѣ, изъ противоположныхъ до враждебности лагерей, несли дань уваженія и удивленія. Это значитъ, что общество, тѣмъ болѣе народъ, какъ бы ни возвышались изъ среды ихъ личности, сами себѣ противорѣчить не могутъ. Это значитъ, что поэзія Крылова выше личнаго вкуса, выше теоріи, системы, что для ней судья все общество, и не умирающая сила ея есть сила народа. «Не надобно забывать, говорить Буслаевъ, разсуждая о народномъ эпосѣ и объ отношеніи къ нему личности поэта, что, по самому акту творчества, произведеніе отдѣльнаго поэта эпохи образо-

*) Каждый изъ нихъ (эпизодовъ), говоритъ Буслаевъ, даетъ слушателю полную возможность ориентироваться, опознаться въ тѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состояли въ связи съ другими разсказами, съ другими пѣснями, или сказками, т. е. съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не вида предъ собою цѣлаго эпического знанія, (которое и живетъ только въ эпизодахъ) между тѣмъ, всякій, и поющій и слушающій, сообщается съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ: подобно тому, какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего роднаго языка, хотя бы сказалъ только нѣсколько фразъ:—или чтобъ вполнѣ восчувствовать всѣ оттѣнки грамматическаго состава хотя бы самой короткой рѣчи, надобно усвоить себѣ весь внутренній строй языка.

ванной состоитъ вовсе не въ противоположности съ народною поэзіею, но въ нѣкоторомъ ей подчиненіи. Потому-то, чѣмъ геніальнѣе какой-либо поэтъ, тѣмъ онъ народнѣе, тѣмъ согласнѣе со всѣмъ строемъ народнаго эпоса его личное воодушевленіе».

Басни Крылова составляютъ не болѣе трети всѣхъ сочиненій его; и однакожь все забыто, а басни составляютъ славу его. Басня видъ поэзіи не новый и у насъ. Но никто изъ баснописцевъ русскихъ не приобрѣлъ такой извѣстности, какую имѣлъ Крыловъ; и нигдѣ не распространялась такъ широко слава писателя-баснописца. Ясное дѣло, Крыловъ своимъ геніемъ сообщилъ баснѣ такую силу. Итакъ самою формою поэзіи Крыловъ выделяется изъ ряда нашихъ поэтовъ. Еще въ первые годы литературной дѣятельности онъ обнаружилъ склонность къ аллегорическому изложенію; въ зрѣломъ же возрастѣ эта склонность обратилась въ естественный, отличительный характеръ его генія. Прежде у него были Зоры, Маликульмульки, Буристыны и проч., впоследствии, въ баснѣ, являются образы преимущественно изъ животнаго міра, чѣмъ самая поэзія Крылова сближается съ животнымъ народнымъ эпосомъ. Нечего говорить, что у него нѣтъ и быть не могло той цѣлостности въ представленіи животныхъ, наивности, которая принадлежитъ первобытному эпосу; Крыловъ—поэтъ, воспитавшійся на формахъ и видахъ поэзіи періода классическаго, даже ложноклассическаго. По замѣчанію Водовозова, онъ иногда слишкомъ свободно подчинялъ своимъ идеямъ образы народные; тѣмъ не менѣе, все же онъ держится на почвѣ ближайшей къ русскому народному эпосу. Вотъ первая причина его доступности народу, даже неграмотному, а также и дѣтскому возрасту. Писали въ родѣ сказокъ и басенъ и другіе первоклассные наши поэты; но имъ было иное призваніе. Крыловъ, напротивъ, много перемѣнилъ путей, словно созрѣвалъ, пока вышелъ наконецъ на свою дорогу, созналъ свое призваніе—баснописца.

Басня, собственно говоря, не значительная форма поэзіи. У древнихъ она имѣла дидактическій характеръ;

уже у Лафонтена только она является художественнымъ произведеніемъ: подражаніемъ ему началъ и Крыловъ. Впрочемъ, до какой бы степени совершенства ни была доведена басня, по самому существу своему она не можетъ быть поставлена вровень съ другими, главнѣйшими формами поэзіи: совершенно иначе, сравнительно съ повѣстью, романомъ, драмою, выражается жизнь въ баснѣ. Она слишкомъ недостаточна для поэтического воспроизведенія цѣлой фазы жизни, для раскрытія и вообще воплощенія идей поэта. Басня представляетъ изъ жизни только частности, отрывки; въ ней возможны только эскизы. И Крылова басни не даютъ намъ идеаловъ, не даютъ ни одного крупнаго образа. Читайте всѣ его басни и попробуйте сгруппировать тѣ черты, которыя, очевидно, онъ одобрялъ, или осуждалъ и осмѣивалъ; въ итогѣ выйдетъ развѣ сборъ нравственныхъ правилъ подъ формою, случайно взятыхъ самимъ Крыловымъ, именъ, или же типы животнаго царства, которые уже выдвинуты изъ непосредственнаго народнаго созерцанія силою личнаго генія, а въ тоже время еще слишкомъ мелки и ничтожны, чтобъ стать въ ряду типовъ, созданныхъ другими нашими поэтами, типовъ, сдѣлавшихся для всего образованнаго общества именами нарицательными. Басни Крылова не характеризуютъ общества своего времени. Если нѣкоторыя изъ нихъ имѣли современное значеніе, то для насъ, даже для ближайшихъ по времени читателей, оно совершенно затерялось. Лица и событія, давшія поводъ къ написанію той или другой басни, были только поводомъ; а все содержаніе басни, тотчасъ, по появленіи ея, приняло общее значеніе, совершенно независимое, далекое отъ частныхъ лицъ, мѣстъ и времени. Басня «Демьянова Уха» написана послучаю утомительнаго и скучнаго чтенія статей въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова. Что же выигрываетъ эта басня тѣмъ, что напоминаетъ Бесѣду и чтенія, бывшія въ ней? Этотъ случай интересенъ для Бесѣды развѣ, и достоинство басни, ея сила, значеніе нисколько не увеличиваются и не уменьшаются отъ того, извѣстенъ онъ намъ, или нѣтъ. Рав-

нымъ образомъ, современное значеніе имѣли басни, написанныя по поводу войны 12-го года; по война давно уже прошла, а развѣ только историческое значеніе онѣ имѣютъ? Не читаются ли онѣ и теперь съ такимъ же удовольствіемъ, какъ прежде? Каждый читатель знаетъ и укажетъ множество ближайшихъ случаевъ, въ которыхъ та или другая басня могутъ быть приложимы даже до подробностей. Потому-то басни Крылова приобрѣли и приобретаютъ общеизвѣстность, что всѣ болѣе или менѣе находятъ въ нихъ выраженіе жизни не отдаленной, а ближайшей, даже личной: точно Крыловъ подмѣчалъ и рисовалъ разные случаи жизни нашего времени, нашей среды.

Ярко выдаются въ поэзіи Крылова необыкновенная живость и цѣльность частныхъ образовъ. Каждая басня есть цѣлое, законченное произведеніе, выражающее какую либо идею, и въ каждой баснѣ всѣ дѣйствующія лица суть живые образы. Нужды нѣтъ, что такими лицами являются звѣри, птицы, камни и другіе предметы даже неодушевленной природы; они въ баснѣ живыя, оригинальныя лица, являются и дѣйствуютъ съ полнѣйшимъ соотвѣтствіемъ тому движенію, строю и характеру мысли, которые хочетъ ими высказать авторъ. Читая, напримѣръ, басню «Оселъ и Соловей», мы ясно видимъ того и другаго, видимъ уставившагося въ землю лбомъ Осла; кажется, что онъ дѣйствительно слушаетъ и оцѣниваетъ то, что слушаетъ, мы и сами будто слышимъ всю чудную музыку соловьиной пѣсни и никогда не забудемъ отзыва Осла объ этомъ пѣніи:

«Изрядно, говоритъ: сказать не ложно;

Тебя безъ скуки слушать можно;

А жаль, что не знакомъ

Ты съ нашимъ пѣтухомъ».

Спрашивалъ ли кто: какъ это оселъ и соловей—животныя, которыхъ мы не разъ видѣли и знаемъ, могли заговорить между собою человѣческимъ языкомъ, могли вступить въ столь обыкновенный между людьми обмѣнъ искусства и сужденія?..... Для насъ они люди.

Осель и Соловей Крылова напоминаютъ нашихъ друзей, товарищей, близкихъ или далекихъ знакомыхъ, изъ которыхъ одному пришлось являть искусство пѣнія, музыки, поэтическаго созданія въ словѣ, или просто молодой попыткѣ, идеальнаго предположенія, а другой въ отвѣтъ только и могъ указать на какого нибудь доморощеннаго пѣтуха, потому, конечно, что кромѣ пѣтушьяго крика ничего не слышалъ, или, лучше сказать, не умѣлъ слушать. И наоборотъ, подобные случаи жизни напоминаютъ намъ басню Крылова; и тѣмъ яснѣе, тѣмъ раздѣльнѣе представляются намъ лица, съ которыми что-нибудь подобное было, чѣмъ ближе черты Осла и Соловья приложимы къ нимъ, или оправдываются въ нихъ, такъ что въ своей рѣчи мы пользуемся словами басни: человека молодого, даровитаго, художника называемъ соловьемъ, а съ огрубѣвшимъ чувствомъ, застыившаго въ понятіяхъ своего курятника, — осломъ. Такъ органически соединены у Крылова идея съ формою, или образами; это кровь и плоть; каждая басня живой организмъ. Если выдѣлите въ ней идею, то получите сухой, безжизненный остатокъ. Попробуйте выразить мысль указанной, напримѣръ, нами басни: каждый по-своему выразился бы при этомъ, и какъ бы ни выразился, но не сказалъ бы всего, что есть въ баснѣ, а главное — сказалъ бы мысль, а у Крылова картина. Мы затрудняемся иногда передать мысль пословицы. «Выше лба уши не растутъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Золотой молотокъ и желѣзные ворота прокуетъ. Малъ языкъ, да всеѣмъ тѣломъ владѣетъ». Не будь уже наготовѣ смыслъ пословицы, мы не могли бы такъ легко пользоваться ею. Содержаніе ея дано намъ неизвѣстно когда и кѣмъ, усвоено еще безсознательно, вмѣстѣ со всеѣмъ міромъ роднаго языка, и потому гораздо легче употребить во время и кстати пословицу, чѣмъ объяснить ея происхожденіе и значеніе. Мы взяли басню на удачу, даже съ замѣтно выдающимся недостаткомъ, между тѣмъ другія, если не все, представляютъ тѣже высокія черты художественности. Изъ другихъ баснописцевъ нашихъ только Хемницеръ, и то

въ весьма немногихъ басняхъ, является такимъ художникомъ. Крыловъ таковъ же и въ переводныхъ басняхъ. Жуковский, сказавшій: «переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ—соперникъ»—разбирая только 23 басни Крылова, по изданію 1808 года, нашелъ его переводчикомъ искуснымъ и потому точно заслуживающимъ имя стихотворца оригинальнаго. Даже болѣе: по поводу басни «Лягушки, просящія царя» онъ говорить: «Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подражаніе превосходитъ подлинникъ; а это весьма много, ибо Лафонтенова басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ». Тоже онъ говоритъ, по сравненіи басни «Пустынникъ и Медвѣдь» съ подлинникомъ Лафонтена. Неудивительно поэтому, что спустя 15 лѣтъ, въ Парижѣ собралось общество литераторовъ для перевода басенъ Крылова на Французскій языкъ. Правда «на этомъ турнирѣ поэзіи» не много приобрѣла французская литература, да и значеніе Крылова отъ того для насъ не выше, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ этомъ фактѣ высокой цѣны, которую дали нашему поэту иностранцы и притомъ знаменитые своего времени литераторы. Если бы иностранцы могли усвоить Крылова со всѣми особенностями языка, то не переводили бы только его басни, а, подобно намъ Русскимъ, изучали его и въ школѣ и дома. Но это невозможно.

Поэзія Крылова отличается не только живостію образовъ, необыкновенно живою связью ихъ съ идеями, но и богатствомъ ихъ какъ вообще, такъ и близкихъ между собою, служащихъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ одной идеи. Крыловъ написалъ 197 басенъ, изъ которыхъ только 30 переводныя. У него много басенъ близкихъ между собою по содержанію или по основной мысли, и однакожь каждая представляетъ новую, особенную сторону мысли, въ каждой дѣйствующія лица своими отношеніями, своею завязкою или развязкою представляютъ особенную черту въ раскрытіи или выполненіи ея. Такъ, на примѣръ, много у него есть басенъ, имѣю-

сихъ своимъ предметомъ трудъ, по какое разнообразіе въ раскрытіи этого предмета! Слѣдующими словами заключаетъ онъ басню «Камень и Червякъ»:

Такъ хвалится иной, что служить сорокъ лѣтъ:

А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

Это выраженіе неизмѣнно ровнаго въ долгій періодъ времени, служебнаго труда, которымъ иной хвалится точно этими словами: «тихъ, скромнѣе всегда, лежу смиреннѣе, куда меня ни бросать.»

А вотъ трудъ предпріимчивости и искусства: у какого-то Льва, охотника до куръ, ихъ то крали, то сами куры пропадали; лисица взялась устроить курятный дворъ; ей поручили дѣло: съ успѣхомъ начато и кончено оно; смотрѣли, видѣли—строенье загляденье. И однакожь въ новомъ дворѣ куръ часть-отъ-часу становилось менѣе. Паукъ вздумалъ выйти изъ обычной колеи: прельстившись барышами купца, взялся за тканье, рѣшился самъ открыть въ окнѣ лавочку; уже Пчела разъяснила ему, почему его вмѣстѣ съ лавкой смели метлой: «что проку въ твоёмъ тканѣ, когда оно не грѣетъ и не одѣваетъ?» Это трудъ изъ корыстолюбія.

Обезьяна, взявшая чурбанъ вмѣсто сохи и ворочавшая его до упаду, представляетъ образецъ труда изъ тщеславія.

Медвѣдь же, напортившій много лѣсу и не согнувшій ни одной дуги, трудился просто изъ подражанія человѣку, отъ избытка силъ. Результаты трудовъ его и Обезьяны совершенно одинаковы; но какая разница не только въ побужденіяхъ, но въ способѣ и самомъ дѣйствіи труда! И какъ много правды въ этихъ изображеніяхъ! Жизнь часто представляетъ опыты труда грубаго и невѣжественнаго, хотя усиленнаго и твердаго, гдѣ чурбанъ принимается за соху, а богатый лѣсъ не производитъ ничего, кромѣ несмѣтнаго числа, съ трескомъ изломанныхъ, вѣтвей.

Въ образѣ Бѣлки видимъ трудъ самъ по себѣ, въ родѣ искусства для искусства.

Я, говоритъ она, по дѣламъ гонцомъ у барина большаго;

Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,

Ни даже духу перевести.

Самъ Крыловъ, впрочемъ, видѣлъ въ ней человѣка дѣльца, который хлопочетъ, мечется, изъ кожи рвется, да только все впередъ не подается. Какъ бы ни было, Бѣлка все-таки трудится, хотя не видитъ ни начала, ни конца своему труду. Но вотъ просто призракъ труда: четыре усталыя лошади тащатъ, въ жаръ, по песку, на гору, тяжелый рыдванъ. Случилось тутъ Мухъ быть. Какъ горю не помочь? Послѣ усиленнаго труда съ ея стороны, когда рыдванъ всталился на ровную дорогу, она говорить:

Ну, теперя слава Богу!

Садитесь по мѣстамъ и добрый всѣмъ вамъ путь;

А мнѣ ужъ дайте отдохнѹ:

Меня на сиду крылья носить.

Басня «Старикъ и трое молодыхъ» выражаетъ идею труда въ самомъ серьезномъ его значеніи, труда изъ нравственно добраго начала. Старикъ своимъ примѣромъ доказываетъ молодымъ людямъ, что трудиться нужно, да же безъ надежды воспользоваться плодами трудовъ.

Кто добръ, не все лишь для себя трудится.

Изъ этихъ частныхъ изображеній труда можетъ составить довольно обстоятельное раскрытіе идеи о немъ. Но, конечно, никто не станетъ дѣлать подобныя своды, по крайней мѣрѣ изъ нихъ ничего цѣлаго не можетъ выйти: все это небольшія картинки, которыя, при большемъ сродствѣ, какъ ни соединяйте, никогда не сольются въ одну картину. Мы сгруппировали нѣсколько басенъ, близкихъ по идеѣ, только для того, чтобы показать, какъ богата фантазія нашего поэта, какъ неистощимъ онъ въ образахъ для выраженія идеи.

Другая, внутренняя сторона въ поэзіи Крылова, — область идей, для которыхъ образы служатъ внѣшнимъ покровомъ, представляетъ такія черты, которыхъ нѣтъ у другихъ поэтовъ. Крыловъ — поэтъ — мыслитель, философъ, но не ученый, тѣмъ болѣе не специалистъ ученый. «Въ этомъ значеніи онъ не былъ академикомъ, говоритъ Шлегель».

певъ, за то онъ былъ едва ли не цѣлою академіей. Въ творческомъ умѣ его возникали, принимали образы гениальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ. Ихъ приняли миллионы людей.» Какія это истины, безъ сомнѣнія, каждому извѣстно, какъ изъ самыхъ басенъ, такъ и изъ прекраснаго очерка ихъ со стороны философской, сдѣланнаго Плетневымъ и отчасти Гоголемъ. Нелишнимъ нахожу указать предъ вами, Мм. Гг., нѣкоторыя черты идей и вообще ума Крылова. Идеи его *отвлеченны* и въ тоже время *практичны*. Первое видно изъ того, что всѣ онѣ вращаются въ области общихъ истинъ и общихъ понятій: лестъ гнусна; съ разборомъ выбирай друзей; безсильному не смѣйся и слабого обидѣть не моги и т. п. И тѣ басни, на которыя указывалъ Плетневъ въ образецъ идей глубокихъ, тоже представляютъ идеи самыя отвлеченныя. Безбожники, Водолазы, Листы и Корни, Мірская Сходка—что такое въ самомъ дѣлѣ даютъ намъ, какъ не самое общее рѣшеніе вопросовъ, дѣйствительно великихъ и трудныхъ? Какого ученаго, говоримъ о серьезно-ученомъ, можетъ отворатить отъ невѣрія мысль о безбожномъ народѣ, вздумавшемъ заматать стрѣлами Олимпъ и за то побитомъ тучею камней? Гдѣ и какія сословія времени Крылова, или настоящаго, нашли бы новою, еще не извѣстною имъ мысль, лежащую въ основѣ басенъ «Листы и Корни», «Пушки и Паруса»? Тоже «Водолазы» не даютъ близкой, живой мысли ученому, углубившемуся въ свою спеціальность. «Мірская сходка» также содержитъ мысль о значеніи общественныхъ постановленій такую, которая можетъ быть приложима въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, но не даетъ рѣшенія на случай частный, особенный. При всемъ томъ идеи Крылова практичны, потому что, во 1-хъ, выражены сжато, ясно, понятно для всѣхъ, и, во 2-хъ, по самой своей общности, такъ какъ могутъ быть взяты на безчисленное множество частныхъ случаевъ жизни. Въ этомъ отношеніи онѣ чрезвычайно сходны съ пословицами, которыхъ употребленіе опредѣлитъ нѣтъ возможности, такъ какъ ими пользуется весь

народъ и всѣ частныя лица въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Далѣе, при всей отрывочности высказанныхъ Крыловымъ идей, при всемъ разнообразіи по идеѣ басенъ, если читать ихъ, какъ онѣ появлялись, тѣмъ болѣе, въ какомъ порядкѣ онѣ обыкновенно печатаются, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ общихъ основаній и чертъ его міровоззрѣнія, его ума. Онъ не увлекался никакою системою, никакимъ научнымъ воззрѣніемъ на жизнь, общество, государство. Онъ врагъ пьянства, лѣни, самохвальства, невѣжества, грубости, въ особенности несправедливости; онъ защитникъ труда, просвѣщенія, ума, искусства, въ особенности же правды. Но и въ отрицаніи, и въ положеніи онъ вездѣ соблюдаетъ мѣру; ни въ чемъ и никогда онъ не допускаетъ крайности. Вездѣ и и во всемъ онъ прямо указываетъ самую суть дѣла, и это безъ усилія и напряженія, а легко и быстро, по природной свѣтлости и чуткости ума. Онъ представитель такъ называемаго *здраваго смысла*. Съ мыслями его нельзя не согласиться: до такой степени онѣ близки и ясны каждому, до такой степени внушительны своей *правдой*. Вчитываясь, вникая въ смыслъ басенъ и потомъ фактовъ жизни, къ которымъ онѣ могутъ относиться,—часто невольно замѣчаешь, что самъ сказалъ бы тоже, что Крыловъ, точно онъ подслушалъ насъ самихъ и высказалъ нашу собственную мысль, да такъ метко и сильно, какъ сами бы не смогли; облеченная въ слова Крылова, она стала родною, *своею* для насъ, для всѣхъ. Умъ Крылова—нашъ умъ, его міровоззрѣніе—наше міровоззрѣніе. Вотъ гдѣ, думается, тайна непримѣрной популярности Крылова! Крыловъ, по своимъ воззрѣніямъ, первый изъ поэтовъ нашихъ поэтъ народный и въ этомъ отношеніи единственный, по крайней мѣрѣ для массы, или большинства русскихъ людей; онъ одинъ не прервалъ внутреннюю, кровную связь съ поэзіею и философіею Русскаго народа. Извѣстно, что у всѣхъ народовъ, такъ и у Русскаго, та и другая въ первое время не раздѣльны. Только онъ не переступилъ предѣлъ общаго развитія народа, ту грань, за которою общее теченіе распадается на множество ру-

кавовъ, за которою слѣдуетъ развитіе сословій, кружковъ, образуются системы, направленія. Онъ стоитъ на рубежѣ поэзіи собственно народной и литературной, изъ которой онъ заимствовалъ форму и приемы. Крыловъ, по происхожденію своему, образованію, состоянію, изъ средняго класса, того класса, который, по всѣмъ условіямъ быта, есть естественное преемственное продолженіе массы народа. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ и быть не можетъ никакого противорѣчія, никакого пробѣла. Подобно безыскусственной эпической поэзіи, поэзія Крылова широко захватываетъ міръ: въ ней рѣшаются вопросы вѣры и знанія, общества и политики, добра и зла. Это широта, но не Русскаго только, а каждаго народа въ первоначальномъ періодѣ его развитія. Какъ въ народной, такъ и въ поэзіи Крылова, природа ви́шняя не останавливается на себѣ поэта сама-по-себѣ, а единственно по отношенію къ человѣку, къ жизни его; образы изъ царства животнаго и растительнаго занимаютъ Крылова никакъ не болѣе того, на сколько въ нихъ выражаются черты человѣка и притомъ человѣка вообще. Всѣ дѣйствія, весь ходъ ихъ въ каждой баснѣ имѣютъ прямо житейское значеніе; всегда у него торжествуетъ житейское благо-разуміе; нравственный характеръ въ поэзіи Крылова, какъ и въ безыскусственной поэзіи, неотдѣлимъ отъ эстетическаго. По замѣчанію Буслаева, простой народъ, чтобы похвалить эпическій рассказъ, не употребитъ выраженія, приличнаго художественному произведенію: хорошо, или прекрасно, а скажетъ: «правда!» Точно также, можно сказать, большинство басенъ Крылова вызываетъ именно такое сужденіе, особенно со стороны читателя простаго, незнакомаго съ эстетикою и критикою эстетическою. Есть, правда, между читателями такіе новouchки-грамотники, для которыхъ міръ образовъ Крылова чистѣйшая выдумка, прикраса, даже просто затѣйливая шутка для того, чтобы сказать доброе нравственное правило, чтобы научить такому правилу, или же изображеніемъ злоупотребленій и порока отвратить отъ этихъ послѣднихъ. Такимъ читателямъ, кажется, сказалъ бы Крыловъ:

«По мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй».

Странно, кажется, видѣть въ его басняхъ поученія, тѣмъ не менѣе поучительный тонъ въ нихъ есть. Не подлежитъ сомнѣнію, что Крыловъ философъ моралистъ, но моралистъ въ лучшемъ значеніи этого слова, моралистъ для всѣхъ, безъ исключенія, а не для нѣкоторыхъ только. Многіе выводы въ его басняхъ поставлены именно какъ уроки, какъ правила житейскаго опыта и благоразумія, которымъ, дѣйствительно, кто послѣдуетъ, не ошибется. Всѣ басни его построены такъ, что нравственный элементъ самъ собою проникаетъ весь ихъ составъ, не исключая и тѣхъ, которыя отличаются высокою художественностію и, по-видимому, далекимъ отношеніемъ къ жизни. Много въ этомъ случаѣ значитъ самый родъ поэзіи — басня, даже краткость ея. Въ произведеніяхъ большихъ — романѣ, повѣсти, драмѣ и содержаніе большое: вводится много лицъ, излагаются разнообразныя столкновенія ихъ между собою, подробно раскрываются важнѣйшіе характеры, наконецъ все содержаніе иногда намѣренно проникается взглядомъ, теоріею, такъ называемыми тенденціями. Читатель, чтобы не растеряться въ частностяхъ, хотя бы вошелъ полнымъ вниманіемъ въ поэтическій міръ взятаго сочиненія, довольствуется обыкновенно общимъ обзорѣмъ всего движенія въ немъ, усвоеніемъ главнѣйшихъ дѣйствій и важнѣйшихъ лицъ, — и этотъ трудъ не каждому читателю подъ силу. Въ басняхъ же сразу выдаются всѣ дѣйствующія лица, каждое по-своему, вступаютъ въ отношенія между собою и высказываются. Они не заслоняются обстановкой, множествомъ частныхъ, и потому въ минуту оцѣниваете ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Притомъ, лица, дѣйствующія въ баснѣ, обыкновенно сосредоточиваются на одномъ и такомъ дѣйствіи, или случаѣ, который относится къ жизни, почти всегда близкой читателю; всѣ басни представляютъ факты жизни, повторяющіеся ежедневно, независимо отъ различія званія, положенія, образованія, факты *дѣйствительности*, тогда какъ романъ или драма имѣютъ иногда историческія осно-

вы, берутъ содержаніе изъ одного какого-либо кружка, общества, сословія, а главное—удалены отъ фактической стороны жизни, идеализируютъ ее, безъ чего были бы, разумѣется, только копировкою дѣйствительности. Басня обобщаетъ факты жизни, представляетъ самые общіе характеры; вся она держится на общей нравственной основѣ. Законъ нравственный, которому подлежатъ ея факты и характеры, есть законъ обще-человѣчскій, принадлежитъ какъ высшему, такъ и низшему классу,—законъ, предъ которымъ даже черты національности стираются.

Итакъ Крыловъ, какъ баснописецъ, уже моралистъ. Только нравственное начало въ басняхъ его вовсе не преобладающее начало. У Сумарокова, да и Хемницера видно поученіе, или обличеніе. Особенно первый, даже намѣренно выставляетъ въ своихъ басняхъ цѣль поучительную, или обличительную. Правда, иногда и Крыловъ въ началѣ или концѣ басни высказываетъ тоже; но у него это просто нравственныя сентенціи, которыя сами, безъ помощи автора, явились бы въ головѣ внимательнаго читателя. Крыловъ подсказываетъ ихъ читателю, помогаетъ выразить, а читатель беретъ у Крылова выраженія, какъ беретъ изъ общаго матеріала народной поэзіи пословицы, поговорки и т. п. У Крылова на первомъ планѣ содержаніе, а нравственный тонъ проникаетъ все содержаніе. Онъ не учитъ, но, читая его, многіе сами учатся; у него, все достойное обличенія, чего касается басня, обличается само собою; онъ *поэтъ и потомъ моралистъ*. Во многихъ его басняхъ сліяніе художественнаго и нравственнаго начала до такой степени полно и глубоко, что забываешь форму его поэзіи, забываешь, что это басни. Онѣ удовлетворяютъ всѣмъ силамъ духа: вамъ смѣшно и пріятно; перечитываете вновь, впечатлѣніе увеличивается: вы точно видите этотъ маленькій міръ, понимаете мысль каждаго лица въ немъ, вамъ хочется самимъ подумать о томъ же, ваша мысль возбуждена, ваши нравственныя убѣжденія затронуты. Если память ваша воспріимчива, вы усвоите басню до слова; во всякомъ случаѣ, не рѣдко возвращаетесь къ ней такъ же, какъ къ высокохудожественному произведенію.

ственному произведенію Пушкина, Лермонтова. Басня Крылова, подобно этимъ послѣднимъ, не старѣетъ, дѣйствіе ея на душу всегда ново, всегда свѣже: съ удовольствіемъ заучиваютъ ее наизусть дѣти, еще съ большимъ перечитываютъ ее люди зрѣлаго, люди всякаго возраста.

Крыловъ—*поэтъ-сатирикъ*. Свойство это, котораго нельзя не замѣтить при чтеніи едва ли не каждой басни, принадлежитъ его литературнымъ произведеніямъ отъ самыхъ раннихъ и до позднѣйшихъ. Говорятъ, чтеніе Расина, Мольера, Боало возбудило въ немъ и развило сатирическое направленіе; притомъ первые литературные труды Крылова относятся къ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, — тому времени, которое преимущественно извѣстно въ нашей литературѣ сатирическимъ направленіемъ, такъ дѣятельно поддерживавшимся самою Императрицею. Конечно, все это вліяло на характеръ поэтической дѣятельности Крылова; тѣмъ не менѣе басни его, написанныя много лѣтъ спустя, и такъ же проникнутыя сатирическимъ направленіемъ, свидѣтельствуютъ, что такой характеръ былъ въ немъ постояннымъ, принадлежитъ его натурѣ. Наконецъ, комизмъ, свойственный Крылову, слишкомъ своеобразенъ и не можетъ быть объясненъ подражаніемъ со стороны Крылова, или только вліаніемъ на него литературы XVIII вѣка. Крыловъ, въ журнальной своей дѣятельности, по словамъ Плетнева, когда писалъ безъ сомнѣнія подъ вліаніемъ господствовавшаго сатирическаго направленія, показалъ въ себѣ геніальнаго сатирика. «Крыловъ, говоритъ этотъ біографъ, этимъ однимъ опытомъ сатирической прозы доказалъ, что, навсегда ограничившись впослѣдствіи баснями, онъ опрометчиво сошелъ съ поприща счастливѣйшихъ правоописателей». Драматическія сочиненія Крылова замѣчательны всего болѣе по сатирическому духу. Впрочемъ, они, какъ и журнальныя статьи его, не представляютъ ни одного цѣльнаго характеристическаго произведенія, и потому забыты. Обратимся къ баснямъ.

Баснѣ, съ древнѣйшихъ временъ, сродно сатирическое направленіе. Цѣлью басни считалось не толь-

ко научить, но и обличить, осмѣять. Еще Федръ въ предисловіи къ своимъ баснямъ говоритъ:

Duplex libelli dos est: quod visum movet
Et quod prudenti vitam consilia monet.

Крыловъ самъ сознавалъ, что его сочиненія—сатира своего рода. На маскарадѣ у в. к. Е. П., нарядившись музой Таліей, онъ произнесъ стихи и между прочимъ сказалъ:

Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать—
Все лучше-таки ихъ немножко унимать.

Иногда онъ предлагаетъ басню въ подарокъ лицамъ, до которыхъ она касается, которыя, напримѣръ, подобно Мельнику, думаютъ хозяйству подспорить, коль свѣчки сберегутъ огарокъ. То объясняетъ басню былью: выдали Матрену, дочь купеческую, за барина,—

«И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.»

Или—и это кажется всего чаще—удерживается отъ объясненія, «чтобъ гусей не раздразнить». Исключеніе представляютъ тѣ басни, которыя, какъ положительно извѣстно, написаны по поводу дѣйствительныхъ событій и лицъ и изображаютъ эти событія и лица въ высшей степени сатирически. Нѣтъ въ басняхъ его положительной характеристики общества; точно также нѣтъ въ нихъ и отрицательной. Крыловъ, какъ сатирическій поэтъ, богатъ общими представленіями, общими картинами, притомъ внутренне не соединенными между собою. Сатира его басенъ не рисуетъ черной стороны своего времени; пороки, караемые ею—эгоизмъ, хвастовство, жадность, угнетеніе слабого—относятся сколько въ первой четверти текущаго столѣтія, столько же вообще къ прошлымъ временамъ и едвали не столько же ко всякому другому, какъ и русскому обществу. Одну черту болѣе частную, болѣе близкую къ нашей жизни, можно указать въ басняхъ Крылова, именно изображеніе суда или вообще тяжбы. Болѣе десяти басенъ написано объ этомъ предметѣ. Правда, мотивы этихъ басенъ встрѣчаются у баснописцевъ, писавшихъ прежде Крылова; но характеристика лицъ,

самаго процесса тяжбы сильно напоминаютъ наше отжившее судопроизводство, весьма близки съ изображеніемъ этого предмета въ поэзіи народной. Думаю впрочемъ, что поэтическимъ изображеніемъ тяжбы Крыловъ обязанъ не столько личной наблюдательности, или намѣренному воссозданію зла, сколько тому чутью, которымъ онъ раздѣлялъ и понималъ думы и стремленія русскаго человѣка. Можетъ статься, изслѣдованія укажутъ факты, вызвавшіе подобныя басни; тѣмъ не менѣе интересно, что, напри- мѣръ, басня «Шука» имѣетъ чрезвычайно много сходства и въ цѣломъ, и въ частяхъ, съ сказкою, извѣстною подъ именемъ «Списка съ суднаго дѣла.... какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ», столь любимую народомъ. Въ баснѣ говорится, что на Шуку поданъ въ судъ до- нось, что отъ нея житья въ прудѣ не стало; въ сказкѣ говорится, что жалоба подана на Ерша за тоже самое. Шуку судили два Осла, двѣ Клячи, два иль три Козла, да Лиса, бывшая за прокурора; судьями надъ Ершомъ были—Осетръ, Бѣлуга и Бѣлорыбица,—составъ болѣе соотвѣтствующій лицу подсудимому. Шуку, по совѣту Лисы, судъ приговорилъ къ смертной казни,—утопить въ рѣкѣ; Ерша, послѣ длиннаго процесса, со всѣми формаль- ностями, порѣшили выдать истцу головою, казнить кну- томъ и повѣсить, — такъ присудили. Ершъ плюнулъ судьямъ въ глаза, скочилъ въ хворостъ, только его и ви- дѣли.... А вотъ и пословицы. «Тягался какъ лещъ съ ер- шомъ. Судъ да дѣло—собака съѣла. Неправдою судъ сто- ить. Законъ—дышло: куда хочешь, туда и воротишь. Перо въ судѣ что топоръ въ лѣсу» и т. под. Въ другомъ родѣ басни—«Крестьянинъ и Овца», «Волкъ и Овцы». Въ первой Лиса опредѣлила Овцѣ казнь за пропажу двухъ куръ; во второй Совѣтъ Волковъ издалъ законъ, уполномо- чивающій Овецъ, въ случаѣ нападенія со стороны Вол- ка, схватить его и въ судъ тотчасъ представить. Не го- ворю уже, что Лиса съ своею пронырливою хитростію, Волкъ съ грубою наглостію, Овца съ своимъ терпѣніемъ, точно такими являются во многихъ сказкахъ. А вотъ по- словицы: «Худо овцамъ, гдѣ волкъ въ пастухахъ. Тяжба—

петля, судъ—висѣлица. Не судись: лапоть дороже сапога станеть. Не тягайся—удавишься. Тяжбу завель—сталь голъ какъ соколъ. Лошадь съ волкомъ тягалась—хвостъ да грива осталась.»

Подобно тому, какъ въ народной поэзіи, сказкахъ, пословицахъ, какое бы зло ни выражалось, не замѣтите личнаго отношенія къ нему, не встрѣтите личнаго чувства,—и у Крылова тоже не видите ничего подобнаго: вопиющая несправедливость, отвратительная жадность, позорная глупость нисколько не возмущаютъ его, не возбуждаютъ въ душѣ его ужаса, или негодованія. При видѣ зла, всего болѣе онъ расположенъ смѣяться, и всякое зло, представляемое въ его небольшихъ разсказахъ, не всегда прикрытыхъ аллегоріею, свойственною баснѣ, рисуется съ комической стороны. Припомните хоть это заключеніе:

«Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью»:

Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю.» или басню «Два Мужика». Казалось бы зло высокой степени: одинъ мужикъ сжегъ свой дворъ, другой сдѣлался калѣкою, оба вслѣдствіе пирушки. Однакожь, по всему разсказу видно, что Крыловъ смѣется, да и мужики то говорятъ о своихъ несчастіяхъ, чуть не смѣясь, или такъ легко, какъ будто потеря не выше рубля; Степанъ, третій мужикъ, въ которомъ чувствуется голосъ и самого Крылова, далъ имъ сухое, холодное правоученіе. Таково же дѣйствіе басни и на читателя; и онъ тоже смѣется. Еще сильнѣе подобное дѣйствіе тѣхъ басенъ, въ которыхъ изображается зло меньшей степени, и потому смѣхъ не ослабляется видомъ несчастія или гибели. Извѣстенъ, Мм. Гг., смѣхъ другаго поэта Гоголя; знаемъ мы, чего онъ стоилъ ему самому, какъ отзывался въ читателяхъ. Правда, еслибъ самъ Гоголь не раскрылъ мучительнаго состоянія души, жгучей горечи, съ которыми смѣется онъ надъ зломъ въ жизни русскаго человѣка; то, можетъ быть, многіе только потѣшались бы героями Ревизора, Мертвыхъ Душъ, Женитьбы, до сихъ поръ многіе предавались бы беззаботному смѣху при чтеніи его

произведеній или сценическомъ представленіи ихъ. Впрочемъ, сатирической лиризмъ весьма замѣтно проглядываетъ даже въ драматическихъ произведеніяхъ Гоголя, не говоря уже объ отступленіяхъ въ этомъ родѣ, которыя не рѣдко встрѣчаются въ Мертвыхъ Душахъ. Съ перваго раза Гоголь смѣшить; читатель не въ силахъ удержаться отъ смѣха и потомъ, въ послѣдующіе разы, при видѣ этого комическаго собранія комическихъ лицъ въ уѣздномъ городѣ, по случаю пріѣзда не менѣе комическаго Хлестакова, или при видѣ столкновенія многихъ жениховъ въ домѣ одной невѣсты, побѣга Подколесина изъ окна невѣсты предъ самымъ выѣздомъ къ вѣнцу. Но дайте только стихнуть вашему смѣху, скрывается послѣдней улыбка съ вашего лица; стоитъ осмотрѣться, тѣмъ болѣе вдуматься, что это за лица, дѣйствія, обстановка, вся среда, которыя вамъ дали удовольствіе смѣха,—и вамъ не будетъ весело, будетъ грустно, даже болѣе, вы увидите, почувствуете раны, близкія, живыя, собственные, не потому, что вы житель уѣзднаго города, чиновникъ, человѣкъ холостой, не потому, что знаете между близкими своими Ѳеклу Ивановну, Агафью Тихоновну, Хлестаковыхъ, Бобчинскихъ и проч., а потому, что вы русскій. Таково дѣйствіе комическихъ созданій Гоголя; разумѣется, отъ частаго повторенія и праздної разсѣянности оно не всегда отчетливо и живо. Таково же дѣйствіе «Недоросля», «Горе отъ ума» только въ меньшей степени, такъ какъ жизнь, выраженная въ нихъ, дальше отъ насъ по времени и чрезъ то, естественно, по всѣмъ своимъ условіямъ. Митрофанушки съ своими маменьками и учителями отжили свой вѣкъ; среда, въ которой умничалъ Чацкій, отживаетъ; и потому настало время отнестись къ грязи, уродству, всему злу, которыя представлены Фонъ-Визинымъ и Грибоѣдовымъ, уже спокойно, эпически. Вотъ рассказъ Крылова, въ ряду басенъ его.—Крестьянина обокрали воры: легъ богатымъ, а съ голыю всталъ такою, хоть по міру иди съ сумою. Собрались родные, друзья, сосѣди, кумовья; и что же? Одинъ говоритъ, что не нужно было крестьянину славить по міру, что онъ богатъ; другой совѣтуетъ

клѣтъ ближе къ избѣ ставить, третій—на дворѣ лихихъ держать собакъ, предложилъ даже своего щенка; совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ, а дѣломъ ни одинъ бѣдникъ не помогъ. Вѣренъ ли этотъ рассказъ дѣйствительности, современной автору и намъ? Кому не извѣстны многіе и многіе подобные факты? Что можетъ быть пошлѣе такихъ утѣшеній для несчастнаго, отвратительнѣе этихъ щенковъ, которыхъ суютъ въ утѣшеніе и помощь вмѣсто того, чтобъ топить ихъ? Крыловъ, окончивъ рассказъ, разъясняетъ, что въ жизни тоже: во время нужды друзья становятся глухи и нѣмы..... Онъ не возмущился представленнымъ фактомъ, онъ спокоенъ, какъ и во всѣхъ своихъ рассказахъ, гдѣ рисуетъ пороки и зло. Причиною служить, разумѣется, и то, что факты представляются у него слишкомъ общіе; авторъ и читатель не могутъ отнестись къ нимъ, какъ къ явленію конкретному, видѣнному и сколько нибудь прочувствованному. Главною же причиною служатъ свойства натуры и образъ жизни Крылова. Припомнимъ, какъ жилъ онъ въ молодости и въ годы зрѣлаго возраста. Способность схватывать только частныя явленія, отсутствіе живаго личнаго участія въ жизни общества, себялюбивое стремленіе къ личному благу, даже наслажденію, отсутствіе страданія къ страданіямъ общества и народа и склонность находить въ этихъ послѣднихъ комическія стороны, посмѣяться надъ ними,—вотъ чему надо приписать спокойное отношеніе нашего поэта къ предмету гораздо болѣе, чѣмъ тому объективному отношенію, которое свойственно великимъ геніальнымъ поэтамъ. Это послѣднее есть въ Крыловѣ развѣ въ миніатюрѣ. Припомнимъ басню «Котъ и Поваръ». Я затрудняюсь предложить ее въ извлеченіи. Каждый стихъ, каждое выраженіе въ ней—произведеніе геніальнаго сатирика; это картина, рассказъ о которой можетъ развѣ умалить ея достоинство; ее надо видѣть всю, отъ перваго и до послѣдняго слова.

Мнѣ кажется, что такихъ, какъ этотъ и подобные рассказы Крылова, не много представляютъ другіе наши поэты; эта маленькая комедія превосходитъ лучшіе образ-

цы комическихъ разсказовъ Гоголя, тѣмъ болѣе второстепенныхъ нашихъ комиковъ. Читая или слушая какой либо изъ такихъ разсказовъ Крылова, вы смѣтаетесь безъ всякой горечи, тяжелаго воспоминанія, грустнаго намека на лицо или сословіе. Вамъ показано смѣшное явленіе, такъ или иначе встрѣчаемое въ жизни, сложившееся въ глубинѣ поэтическаго духа въ художественное созданіе; частныя черты этого явленія, ставшія элементомъ созданія, вамъ не видны; тѣмъ лучше, вы поднялись въ чистый міръ поэзіи. Зная беззаботный, спокойный характеръ Крылова, слѣдовательно способность отдаться всецѣло текущему впечатлѣнію, съ юношескою свѣжестью посмѣяться надъ тѣмъ, что есть въ жизни смѣшнаго, можно думать, что и онъ самъ, пиша подобные разсказы, не удерживался отъ смѣха; еще охотнѣе смѣемся мы: это тотъ беззаботный смѣхъ, въ которомъ является игра всѣхъ силъ духа, свободное, веселое, ничѣмъ хоть на минуту не омрачаемое отношеніе къ жизни,—смѣхъ, къ которому способенъ русскій человѣкъ, дѣлая предметомъ его и себя и все дорогое въ жизни, непритворно веселясь и потѣшая себя и другихъ, даже тогда, когда не одинъ, быть можетъ, камень тяготитъ душу.

Мм. Гг.! позвольте заключить очеркъ поэзіи Крылова словами Гоголя, которыя онъ сказалъ въ заключеніи своего разсужденія о сущности русской поэзіи и особенно-стяхъ русскихъ поэтовъ, между прочимъ и Крылова: «Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная сильная рѣчь». Въ ней, по мысли Гоголя, всѣ до одного узнаютъ нашу русскую Россію, о которой всѣ наконецъ въ одинъ голосъ скажутъ: «Это наша Россія; намъ въ ней пріютно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ!»

И. Ингеницкій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Преміи, назначаемыя Академіею Наукъ за ученныя сочиненія, приносили и приносятъ вообще громадную пользу для науки: они вызываютъ новыя силы для разработки разныхъ ученыхъ вопросовъ; сколько одна Демидовская премія принесла добра наукъ! Учредители премій заслуживаютъ полную, глубокую и вѣчную благодарность потомства. Имя Демидова должно блеснуть на страницахъ исторіи нашего отечественнаго просвѣщенія. Теперь, къ сожалѣнію, премія эта прекращена. Въ настоящее время остаются преміи гр. Уварова, Макарія, Архіепископа Харьковскаго, пожертвовавшаго для науки громадный капиталъ отъ своихъ литературныхъ трудовъ, и наконецъ Ломоносовская, недавно учрежденная въ память столѣтняго юбилея Ломоносова.

Живо представляешь, сколько добра и пользы принесутъ и эти преміи. Отрадно, что у насъ въ будущемъ предстоитъ такъ много прекрасныхъ надеждъ на успѣхи развитія и процвѣтанія наукъ. Особенно, что болѣе всего подаетъ въ этомъ отношеніи надежду, это то, что Академія Наукъ, какъ компетентный и строгій судья въ дѣлѣ литературныхъ трудовъ, и какъ распорядительница этими преміями, не только имѣла въ виду строго отличать и награждать тѣ самостоятельные труды, которые вносятъ въ науку новый свѣтъ, въ настоящее время стала сама вызывать на подобные ученые труды, задавать темы для разработки и изслѣдованія вопросовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, въ разъясненіи которыхъ особенно нуждается наука.

Въ прошломъ году явилась уже возможность назначить первую Ломоносовскую премію въ 1000 р.

Изъ «Отчета» о присужденіи этой первой Ломоносовской преміи, читаннаго въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 Декабря 1867 г., видно, что это

первое присужденіе пало на замѣчательный трудъ Горскаго и Невоструева: «*Описаніе Славянскихъ рукописей Московской бывшей Патріаршей, нынѣ Синодальной библіотеки.*» Трудъ этотъ справедливо увѣнчанъ премією, какъ памятникъ, заключающій въ себѣ произведенія древняго и стариннаго письма, важный по своему значенію для всякаго, занимающагося изученіемъ языка и литературы и всего Славянскаго православнаго міра, имѣющій научное значеніе не только въ Русской и Славянской литературѣ, но и въ европейской. Пять томовъ этого труда вышли въ теченіе 1865—1862 г., 6-й томъ почти готовъ къ выходу въ свѣтъ.

Описаніе Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, замѣчательное по своему значенію и богатому собранію литературныхъ сокровищъ, задумано было еще въ 40-выхъ годахъ Митрополитомъ Московскимъ, нынѣ почившимъ, Филаретомъ, и утверждено Св. Синодомъ въ 1849 году. Дѣло это поручено было профессору, нынѣ Ректору Московской Духовной Академіи А. В. Горскому и профессору Симбирской Семинаріи К. И. Невоструеву, вызванному для этого въ Москву, и въ продолженіе 17 лѣтъ доведено уже ими болѣе чѣмъ до половины. Это не простое описаніе рукописей, но ученая разработка ихъ и разборъ памятниковъ въ палеографическомъ, филологическомъ, литературномъ, историческомъ и юридическомъ отношеніи, вполне удовлетворяющемъ критическимъ требованіямъ науки. Исслѣдователи имѣли въ виду обратить особенное вниманіе не только на содержаніе памятниковъ, но и на самый языкъ. Ученыя изысканія ихъ относительно церкви преимущественно касаются разясненія исторіи церкви, ея литературы и древностей. Въ каждой рукописи они отмѣчали характеръ библіографическій, палеографическій и правописаніе,—послѣднее въ особенности важно для исторіи языка. При разборѣ переводовъ, что въ особенности также важно, они обращали вниманіе на правильность передачи подлинника, для этого они отыскивали источникъ, которымъ пользовался переводчикъ, а если чего не находили—обращались къ грече-

скимъ рукописямъ. Такими строгими критическими взглядами руководствовались наши изслѣдователи, какими у насъ, кромѣ Востокова, и на западѣ ученые не пользовались. Относительно правильности перевода Св. Писанія, изслѣдователи наши домогались дознать то собраніе библейскихъ книгъ на Славянскомъ языкѣ, какое мы имѣли до первыхъ печатныхъ книгъ; сличали разные списки между собою, сличали переводъ съ подлинникомъ, что и привело ихъ къ разъясненію того, какія книги древнѣе и съ какого именно переведены языка. Такъ почти разсмотрѣны и Творенія Св. Отцовъ, и, между прочимъ, открыты такія творенія Отцевъ церкви, которыя доселѣ не были извѣстны, напр. Мееодія Патарскаго, открыта новая редація передѣлки сочиненія духовнаго содержанія стоика Епиктета и другихъ. Критически пересмотрѣны памятники Богослужебныхъ книгъ, на что у насъ всего менѣе обращалось вниманіе, — словомъ, изъ изданныхъ уже этихъ трудовъ открываются богатые свѣдѣнія для всѣхъ ученыхъ.

Кромѣ того, вездѣ въ своихъ работахъ они обращали вниманіе и на грамматическія особенности языка и на его лексикологическую сторону; съ этою цѣлію ими собрано множество данныхъ для опредѣленія свойствъ языка въ первый періодъ его литературнаго развитія и для уясненія его видоизмѣненій въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время. Въ отношеніи лексикологическомъ они приготовили огромный сборникъ объясненныхъ словъ, что составитъ въ послѣдствіи богатый и интересный словарь Древне-Славянскаго языка.

Подобными трудами, говоритъ академикъ Срезневскій, не богата ни одна изъ европейскихъ литературъ.

— Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что въ настоящее время, въ Воронежѣ, печатается подъ нашей редакціей «Полное собраніе сочиненій Никитина,» которыхъ давно уже нѣтъ въ продажѣ. Къ собранію сочиненій приложенъ будетъ портретъ Никитана и войдетъ

сюда подробная и обширная біографія его, написанная г. Де-Пуле, любопытная во многих отношеніяхъ. Жизнь Никитина, дѣйствительно, представляетъ, какъ говоритъ его біографъ, замѣчательное явленіе, и не можетъ не привлечь къ себѣ теплой симпатіи нашей, какъ и самыя его поэтическія произведенія. Отрывокъ изъ этой біографіи мы, можетъ быть, представимъ нашимъ читателямъ въ видѣ особаго приложения къ Ф. З. Теперь же, предварительно сообщимъ пока то, что содержится въ предисловіи къ сочиненіямъ Никитина. Вотъ что говорится тамъ:

«Въ настоящее изданіе сочиненій Никитина вошли всѣ его произведенія, какъ напечатанныя при жизни и послѣ смерти поэта, такъ и случайнымъ образомъ уцѣлѣвшія. Никитинъ писалъ стихи быстро и почти безъ поправокъ, которыя уже дѣлались, по написаніи стихотворенія, при второмъ его прочтеніи. Но написаннымъ онъ былъ рѣдко доволенъ и, по обыкновенію, или рвалъ его тотчасъ же, или откладывалъ на нѣкоторое время. Случалось, что въ одинъ присѣсть, безъ промежутка, или съ самымъ небольшимъ антрактомъ, онъ писалъ по два и даже по три стихотворенія, въ которыхъ однако встрѣчалось что-нибудь общее, хотя мысль, конечно, была не одна и та же. Но почти все такимъ образомъ написанное и сохраненное, при пересмотрѣ бумагъ, что не рѣдко дѣлалъ Никитинъ, безпощадно имъ истреблялось. Многія изъ его стихотвореній спаслись отъ истребленія, благодаря заступничеству его друзей, которые вырывали и уносили у него тѣ клочки бумагъ, *рецепты*, какъ они ихъ называли, на которыхъ онъ обыкновенно писалъ мелкія свои піесы.

«Никитинъ не имѣлъ привычки сохранять у себя даже стихотвореній напечатанныхъ: онъ также или рвалъ ихъ, или дарилъ на память своимъ друзьямъ, хотя и не совсѣмъ охотно. Вотъ причина, почему не сохранилось ни одно изъ его стихотвореній до 1849 года, и не было ничего найдено послѣ его смерти, даже и «Городскаго Головы», котораго было написано три пѣсни.

«Такъ какъ большая часть стихотвореній Никитина

подвергалась значительнымъ и часто неоднократнымъ перелѣлкамъ, то мы приняли за правило помѣщать въ текстѣ только послѣднюю редакцію, относя предыдущія въ примѣчанія. Не желая утомлять читателей, мы не приводимъ мелкихъ вариантовъ, очень часто встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Никитина, рукописныхъ и напечатанныхъ. Поэму «Кулакъ» мы печатаемъ въ двухъ редакціяхъ— въ первоначальной и по изданію 1858 года, значительно измѣненному. Необходимость разбить изданіе на два тома заставляеть насъ нѣсколько отступить отъ хронологическаго порядка. Въ первомъ томѣ мы печатаемъ: а) біографію Никитина, б) его стихотворенія, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, до 1857 года и с) первую редакцію «Кулака».—Во второй томъ входятъ: а) всѣ мелкія стихотворенія, написанныя въ 1857—61 годахъ, также въ хронологическомъ порядкѣ; затѣмъ слѣдуютъ большія піесы, помѣщенные тоже въ хронологическомъ порядкѣ: б) «Кулакъ» въ послѣдней редакціи, с) «Поѣздка на хуторъ», д) «Тарасъ» и е) «Дневникъ Семинариста».